

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КУНЦ Е. В., доктор юридических наук, профессор, член Российской криминологической ассоциации.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора Республиканского научно-исследовательского института по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва); **ДАРОВСКИХ С. М.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр Уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)» (г. Челябинск); **ДОБРОБАБА М. Б.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, кандидат юридических наук, доцент, директор Института Государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень); **ЙИРАСЕК Й.**, зав. кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц, кандидат юридических наук (Чешская Республика); **КАРАСЕВ А. Т.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева» (г. Екатеринбург); **КВАНИНА В. В.**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)» (г. Челябинск); **КОСТЮК М. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва); **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь); **ЛЕКСИН И. В.**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления, заместитель декана факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова по развитию (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева» (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан, (г. Нур-Султан); **МУШКЕТ И. И.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, Профессор кафедр профессиональных дисциплин ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН», доктор юридических наук, профессор (г. Самара); **НИКОДИМОВ И. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (г. Москва); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия» (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса экспертной деятельности ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск); **УТКИН Н. И.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского Университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева (г. Санкт-Петербург); **ХАМИДУЛЛИНА Ф. И.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Республика Татарстан).

Шеф-редактор **СОГРИН Е. К.** Ответственный секретарь **АНДРИАДИС Е. Ю.**

Верстка **ШРАЙБЕР А. Е.**

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала 73848

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области.

Свидетельство ПИ № ТУ 74-01322 от 25.04.2017 г.

Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, ЮУрГУ, Издательский центр.

Тел./факс (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

© «Проблемы права», 2003—2023

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

1 ' 2023

FOUNDERS JOURNAL: OOO "South Ural Legal Newsletter"

CHIEF EDITOR

E. V. KUNTS, Doctor of Law, Professor, Member of the Russian Criminological Association.

EDITORIAL BOARD:

A. B. BEKMAGAMBETOV, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute for Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **V. Yu. GOLUBOVSKY,** Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department for Improving the Regulatory regulation of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Punishments in the penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow); **S. M. DAROVSKIKH,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Departments of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination of the FSAOU VO "South Ural State University (NRU)" (Chelyabinsk); **M. B. DOBROBABA,** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow); **S. S. ZENIN,** Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law of the Tyumen State University (Tyumen); **Y. YIRASEK,** Head of the Department of Constitutional Law and Public International Law of the Faculty of Law of the University. Palackego in G. Olomouc, Candidate of Law (Czech Republic); **A. T. KARASEV,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. V. KVANINA,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business Law of the Yuzhno-Ural State University (NIU)" (Chelyabinsk); **M.F. KOSTYUK,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University (Moscow Moscow); **V. I. KRUSS,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of Tver State University (Tver); **I. V. LEKSIN,** Doctor of Law, Candidate of Economics, Head of the Department of Legal Foundations of Management, Deputy Dean of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University for Development (Moscow); **A.V. MAYFAT,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. A. MALINOVSKY,** Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Republic of Kazakhstan, (Nur-Sultan); **I. I. MUSKET,** Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Respect for the Electoral Rights of Citizens of the Member States participants of the IPA CIS (Moscow); **A. P. NEKRASOV,** Professor of the Department of Professional Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Professor (Samara); **I. Yu. NIKODIMOV,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian State Social University (Moscow); **N. A. PODOLNY,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings of the Sredne-Volzhsky (Saransk) Branch of the Russian Law Academy (Saratov); **A. B. SERGEEV,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Expert Activity of the Federal State Budgetary Educational Institution Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **N. I. UTKIN,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev (St. Petersburg); **F. I. KHAMIDULLINA,** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kazan (Volga Region) Federal University" (Kazan, Republic of Tatarstan).

Editorial Director **E. K. Sogrin;** Executive Editor **E. Y. Andriadis;** Layout **A. E. Schreiber**

Address of the editors office: 454080, 76 Lenina pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia
For correspondence: 454080, Chelyabinsk, PO Box 12550
Phone/Fax (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

В НОМЕРЕ:

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— **7** —

Ярмонова Е.Н.

Взаимодействие романо-германской правовой семьи и Российской правовой системы

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

— **11** —

Иванин А.А.

Некоторые проблемы расширения полномочий конституционного суда РФ

— **15** —

Росенко М.И.

Биологический паспорт как инструмент повышения социальной ответственности на защите института семьи, здоровья граждан и последующих поколений: социальный и правовой аспект

— **20** —

Сисакьян А. К.

Конституционное правосознание как условие формирования гражданского общества

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

— **25** —

Старков А.В.

Определение правовой природы пресс-публикаций в сети интернет как объектов гражданско-правовой охраны

— **31** —

Яковлев А.Ю.

Органы внешнего и внутреннего контроля хозяйственных обществ с государственным участием: правовое обеспечение и проблемы работы

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— **35** —

Голубовский В. Ю.

Некоторые вопросы истории развития категории невменяемости в отечественном уголовном праве

— **40** —

Костюк М.Ф.

Продовольственная безопасность и уголовно-правовые меры ее обеспечения

— **45** —

Голубовский В.Ю., Кунц Е.В.

Правовая природа институтов амнистии и помилования

— **50** —

Петухов Е.Н.

Средства обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства, имеющими ограниченные возможности

— 55 —

Куниц Е.В.

Некоторые аспекты ограничения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества от смежных составов преступлений

— 60 —

Курбатова С.М.

Социально-значимые обстоятельства, ограничивающие возможность надлежащего участия в уголовном судопроизводстве

— 65 —

Курбачевская К.И.

Допрос специалиста и эксперта: характерные отличия и проблемы, возникающие в ходе допроса

— 69 —

Востриков Г.А.

Методологическое значение криминалистической классификации в расследовании преступных посягательств на личность, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

ПРОБЛЕМЫ И МНЕНИЯ

(5.1.2)

— 76 —

Иванов А.Ю.

К вопросу о порядке производства осмотра и (или) досмотра транспортного средства сотрудниками полиции

IN THIS ISSUE

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

— 7 —

Yarmonova E.N.

Interaction of the roman-german legal family and the Russian legal system

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

— 11 —

Ivanin A.A.

Some problems of expanding the powers of the constitutional court of the Russian Federation

— 15 —

Rosenko M.I.

Biological passport as a tool for increasing social responsibility to protect the institution of the family, the health of citizens and future generations: social and legal aspect

— 20 —

Sisakyan A. K.

Constitutional legal awareness as a condition for the formation of civil society

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 25 —

Starkov A.V.

Determination of the legal nature of press publications on the internet as objects of civil protection

— 31 —

Yakovlev A.Y.

Bodies of external and internal control of companies with state participation: legal support and problems of functioning

CRIMINAL LAW SCIENCES

— 35 —

Golubovsky V. Yu.

Some questions of the history of the development of the category of insane in russian criminal law

— 40 —

Kostyuk M.F.

Food security and criminal response

— 45 —

Golubovsky V.Yu., Kunts E.V.

Legal nature of the institutions of amnesty and parlory

— 50 —

Petukhov E.N.

Means of ensuring the proper performance of duties by participants in criminal proceedings who have limited opportunities

— 55 —

Kunts E.V.

Some aspects of limiting the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society from related crimes

5

— 60 —

Kurbatova S.M.

Socially significant circumstances limiting the possibility of proper participation in criminal proceedings

— 65 —

Kurbachevskaya K.I.

Interrogation of a specialist and expert: characteristic differences and problems arising during interrogation

— 69 —

Vostrikov G.A.

Methodological significance of criminalistic classification in the investigation of criminal attacks on the person committed using information and telecommunication networks

ISSUES AND OPINIONS

(5.1.2)

— 76 —

Ivanov A. Yu.

On the issue of the procedure for the inspection and (or) inspection of the vehicle by police officers

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

DOI: 10.14529/pro-prava230101
УДК 340

ПП № 1(89)-2023. с. 7—10

Ярмонова Е.Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Yarmonova E.N.

INTERACTION OF THE ROMAN-GERMAN LEGAL FAMILY AND THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей и проблем соотношения романо-германской правовой семьи и российской правовой системы на современном этапе развития. Обнаруживается тесная взаимосвязь романо-германской правовой семьи и российской правовой системы, как имеющих общие корни и общие правовые традиции. Особое внимание уделяется самобытности развития российской правовой системы. Признавая необходимость самостоятельного развития нашей правовой системы и недопустимость слепого копирования юридических конструкций из любых правовых семей, даже близких к российской правовой системе, необходимо говорить о ее развитии в рамках юридических традиций, возникших в результате рецепции римского права, но с учетом сохранения традиционных ценностей многонационального российского государства

Ключевые слова: российская правовая система, романо-германская правовая семья, нормативно-правовой акт, самобытность, многонациональность.

The purpose of the article is to consider the features and problems of the relationship between the Romano-Germanic legal family and the Russian legal system at the present stage of development. There is a close relationship between the Romano-Germanic legal family and the Russian legal system, as having common roots and common legal traditions. Particular attention is paid to the originality of the development of the Russian legal system. Recognizing the need for independent development of our legal system and the inadmissibility of blind copying of legal structures from any legal families, even close to the Russian legal system, it is necessary to talk about its development within the framework of legal traditions that arose as a result of the reception of Roman law, but taking into account the preservation of the traditional values of the multinational Russian states.

Keywords: Russian legal system, Romano-Germanic legal family, legal act, originality, multinationality.

Одной из крупнейших правовых семей является романо-германская, она объединяет в себе целый ряд правовых систем, которые имеют общие исторические корни, так как происходят из римского права и поэтому имеют целый ряд общих черт, но при этом выделяя и отличительные черты.

Эта общая историческая основа и привела к тому, что для них характерны сходные источники права и сходство понятийного юридического аппарата. Анализируя особенности континентальной правовой семьи, можно признать дискуссионность рассматриваемой проблемы, так как сле-

7

Теоретико-исторические
правовые науки

дует признать наличие у российской правовой системы специфических черт, отличавших от других правовых систем. К романо-германской правовой семье относятся правовые системы государств континентальной Европы, вся Латинская Америка, значительная часть Африки, Япония, Индонезия и др. [1].

Традиционно принято разделять правовые системы по ряду показателей к которым относят такие как источники (формы) права, цели и задачи при решении глобальных проблем, стоящих перед государством и обществом, определенный уровень правосознания и правовой культуры, единые стандарты юридического образования, юридической профессии, формы государственного устройства и другие.

Рассматривая источники права романо-германской правовой системы, следует признать в качестве основного источника следует признать нормативно-правовой акт. Нормативно правовые акты являются результатом правотворческой деятельности государства, которая осуществляется в рамках определенных процедур, они содержат в себе нормы права и обеспечиваются принудительной силой государства [2]. Такая позиция является характерной для всей романо-германской правовой семьи.

Признаком, который присущ как романо-германской, так и российской правовой семье является иерархическая структура нормативно-правовых актов.

Активные споры вызывает наличие в российской правовой системе таких источников права как судебный прецедент и правовой обычай. В отношении этих источников права мы видим общность и для романо-германской правовой семьи, так как в рамках этой правовой семьи если происходит признание этих источников, то они выступают как дополнительные и не могут играть основную роль в правовом регулировании. Практика использования данных источников показывает, что принудительный отказ от них не дает результата. В многонациональном государстве развитие обычного права дает возможность не только для развития источников права, но и способствует учету особенностей развития не только государства в целом, но и отдельных регионов.

Сходство романо-германской правовой семьи и российской правовой системы проявляются по целому ряду направлений, к которым следует отнести подобие источников права, структуры и содержания норм права, системы права, общие основные подходы к юридической технике, совпадения многих юридических тер-

минов и понятий. Важные аспекты взаимодействия проявляются и при осуществлении правоприменительной деятельности. Одним из видов такой деятельности является исполнение судебных решений.

Общим характеризующим моментом для романо-германской правовой семьи и российской правовой системы являются правила юридической техники и юридические термины. Наличие общих терминов обусловлено общими корнями. Происхождением из римского права в результате рецепции римского права.

Романо-германская правовая семья и российская правовая система во многом развиваются параллельно и стремятся к достижению единой правовой политики. Единого уровня правовой культуры и правового сознания в обществе.

Современная Россия стоит на пути построения правового государства и гражданского общества, эти принципы закреплены в Конституции Российской Федерации и других законодательных актах. Данные исходные принципы были характерны и для других стран романо-германской правовой семьи, но Россия обладает спецификой в своем развитии, которая характерна для нее с учетом исторического опыта и особенностей менталитета российского общества.

В современных реалиях российская правовая система развивается по тем же принципам, которые характерны для романо-германской правовой семьи, но при этом не может допускаться слепое заимствование из других правовых систем. При достижении целей, которые закреплены в Конституции Российской Федерации, не допускается внедрение в российское законодательство западных моральных ценностей. Российское законодательство должно строиться и развиваться на основе традиций и моральных ценностей, которые характерны для российского общества, для многонационального общества и государства. Правовая и политическая культура, уровень правосознания российского общества имеют особые характеристики и дают возможность говорить о различии судьбы российской правовой системы и романо-германской правовой семьи.

Соотнося российскую правовую систему с правовыми системами, входящими в романо-германскую правовую семью можно выделять сходные черты и черты, являющиеся различиями между ними, также следует остановиться на возможности взаимодействия между ними, благодаря которым может происходить взаимообогащение различных правовых систем.

Российское право является сложной и все время развивающейся системой, поэтому анализ других правовых систем, особенно близких по своему историческому развитию может дать возможность использования уже готовых достижений и освободить от попыток изменений, которые не приносят пользы. Использование правовых конструкций, которые уже используются романо-германской правовой семьей дает возможность продолжать динамичное развитие российского права. Российская правовая система имеет свои особые традиции и культурные ценности, которые формировались на основе рецепции римского права и российских традиций, особенностей правовой культуры и правосознания.

Россия не должна отказываться от взаимодействия с другими правовыми системами, но при этом нельзя рассматривать законодательство других стран, в том числе, относящихся к романо-германской правовой семье, как образец, который нельзя изменять. Применение всех институтов присущих в романо-германской правовой семье должно осуществляться в России только с учетом развития российской государственности. Применение положительных особенностей романо-германской правовой семьи на территории российского государства должно осуществляться с учетом всех исторических особенностей нашего многонационального государства. Правовая система России обладая множеством особенностей, не выпадает полностью из романо-германской правовой семьи.

Долгое время страны романо-германской правовой семьи рассматривались как страны где давно сложился институт частной собственности, который поставлен во главе угла их государственности и при развитии российского частного права во многом было ориентирование на эти правовые институты, но в последнее время европейские страны, в том числе и относящиеся к романо-германской правовой семье нарушили это священное право в угоду политических интересов. Ситуация, при которой западные страны арестовали имущество, принадлежащее Российской Федерации и анализируют законодательство в поисках возможности использовать это имущество в своих нуждах показывает отказ ими от основных принципов, на которых строилась вся ро-

мано-германская правовая семья. Такое отношение к собственности является не только нарушением законодательства, но и подрывом основополагающих положений в политической, правовой и идеологической надстройках, сформированных в западном обществе.

Россия вошла в романо-германскую правовую семью по целому ряду объективных причин и в первую очередь в силу более общих исторических судеб, но это не лишает ее правовую систему самобытности. Внесение в правовую систему России элементов законодательства и государственно-правовых институтов, присущих странам романо-германской правовой семьи, должно осуществляться не в целях унификации российской правовой системы и приведения ее к какому-то эталону, а в целях замены устаревших и отживших положений, которые мешают развитию российской государственности на уже известные наработки других стран, которые дадут возможность развития нашей правовой системы на благо российского общества и государства. В процессе таких изменений должны привноситься только такие положения, которые созвучны с российским менталитетом и целями повышения правосознания граждан и повышения их правовой культуры.

Подводя итог, следует признать, что российская правовая система тесно связана с романо-германской правовой семьей. В настоящее время можно говорить о переходе к большей самостоятельности российской правовой семьи, что обусловлено изменениями, которые происходят в политико-правовой сфере. Нельзя отказываться от использования положительного опыта из правовых систем, близких по развитию с российской правовой системой, но нельзя и осуществлять бездумное копирование, которое не идет на пользу нашей правовой системы. Российская правовая система все больше тяготеет к традиционным ценностям, которые сформировались в нашем многонациональном государстве на протяжении всей истории развития российского государства. Российская правовая система имеет свой особый исторический путь, который обусловлен ее самобытностью, многонациональностью, опытом социалистического периода развития нашего государства и рядом других исторических и политических аспектов.

Литература

1. Серегин А. В. Сравнительное правоведение (мир правовых семей): учебник для вузов / А. В. Серегин. – 2-е изд., испр. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 362 с.

2. Ярмонова Е.Н. Особенности источников права в романо-германской правовой семье // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-3 (66). – С. 114–116.

References

1. Seregin A. V. Sravnitel'noye pravovedeniye (mir pravovykh semey): uchebnik dlya vuzov / A. V. Seregin. – 2-ye izd., ispr. – Moskva: Izdatel'stvo Yurayt, 2023. – 362 s.
2. Yarmonova Ye.N. Osobennosti istochnikov prava v romano-germanskoj pravovoy sem'ye // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2022. – № 3-3 (66). – С. 114–116.

ЯРМОНОВА Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». 352930, Россия, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Комсомольская, д. 126. E-mail: vlada02@mail.ru

YARMONOVA Elena Nikolaevna, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Disciplines of the branch of FSBEI HE “Kuban State University”. 352930, Russia, Krasnodar Territory, Armavir, st. Komsomolskaya, 126. E-mail: vlada02@mail.ru

Иванин А.А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Ivanin A.A.

SOME PROBLEMS OF EXPANDING THE POWERS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены некоторые тенденции расширения полномочий конституционных органов в зарубежных государствах в части исполнения решений международных структур. Проведён краткий анализ изменения данных полномочий конституционного суда РФ в России, начиная от принятия Федерального закона «О Конституционном суде». Автор сформулировал предложения по совершенствованию законодательства о полномочиях Конституционного суда РФ.

Ключевые слова: конституционный контроль, европейский суд по правам человека, исполнение решений международного органа, конституционный суд.

The article discusses some trends in the expansion of the powers of constitutional bodies in foreign countries in terms of the execution of decisions of international structures. A brief analysis of the changes in these powers of the Constitutional Court of the Russian Federation in Russia, starting from the adoption of the FC "On the Constitutional Court". The author formulated proposals to improve the legislation on the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: constitutional control, European Court of Human Rights, enforcement of decisions of an international body, constitutional court.

Формирование полномочий любого органа всегда представляет сложность в связи с их важностью, динамичностью и тесной взаимосвязью с практикой. Именно полномочия определяют возможности государственной структуры и эффективность и значимость ее функционирования в современном государстве и обществе.

Существует данная проблема и для органов конституционного контроля, так как они обязаны соответствовать вызовам изменений общественных отношений. Данному вопросу посвящены многочисленные исследования, в частности, Витрук Н.В., Зенин И.Д., И. А., Шульженко, Ю. Л., Зорькин и другие.

В связи с изменением общественных отношений на международном уровне в

зарубежной и российской практике неоднократно вставал вопрос о исполнении решений европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Если в России данный вопрос возник в 2014 г., что выразилось в принятии Постановления конституционного суда (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской

Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»), то в зарубежной практике необходимость исполнения и обоснованность решений европейского суда по правам человека давно вызывала сомнения.

Согласно статистическим данным, 2021 году секретариат ЕСПЧ передал на рассмотрение судей 44 250 новых жалоб, что на 6% больше, чем годом ранее. Среди переданных жалоб больше всего турецких (9548), следом за ними идут российские (9432) и замыкают тройку украинские (3721) [3]. Количество обращений говорит о высокой степени доверия и веры в справедливость данной структуры со стороны населения.

Однако, примере ФРГ можно продемонстрировать сомнения в необходимости безапелляционного исполнения решения любого международного суда на государственном уровне. Конвенция была ратифицирована в ФРГ федеральным законом «О Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 7 августа 1952 года. Россия ратифицировала данный документ федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ.

Как поясняют германские юристы, решения европейского суда по правам человека (далее-ЕСПЧ) против Германии имеют в ФРГ прямые правовые последствия, решения же, принятые в отношении иных государств – «ориентирующее значение» [4].

Показательным примером является дело Гергюлю, где гражданин Турции Казим Гергюлю (Kazim Gorgulu) направил в ЕСПЧ жалобу против Германии на нарушение ст. 8 — «право на уважение частной и семейной жизни». Он был отцом ребенка, который родился в 1999 году с гражданкой ФРГ, о чем узнал, только когда мать уже успела отказаться от новорожденного сына, и ребенок был устроен в приемную семью. К. Гергюлю в германских судах не удалось отстоять свое право на воспитание сына. В том числе в Федеральном конституционном суде Германии, который отказал К. Гергюлю в рассмотрении дела, по существу. Он вынужден был обратиться в ЕСПЧ.

В 2004 году было вынесено решение о

нарушении статьи 8 Конвенции на том основании, что необходимо учитывать желания отца в определении судьбы ребенка и была присуждена компенсация морального вреда в размере 15000 евро. Далее в связи с тем, что германские суды снова, вопреки решению ЕСПЧ, отказывались признавать право К. Гергюлю на общение с сыном, гражданин вновь обратился в ФКС Германии. После длительного процесса в Федеральном конституционном суде Германии решение было вынесено в пользу К. Гергюлю.

В ходе данного процесса Федеральный конституционный суд ФРГ, сформулировал принцип приоритета Конституции перед решениями ЕСПЧ для целей национального правоприменения. Это неоднократно ставили в пример российскому Конституционному суду.

Аналогичным образом в 2006 году в Италии Конституционный суд принял постановление, согласно которому при наличии спора о конституционности о применении права Конституционный суд обязан проверить соответствие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Основному закону государства при наличии запроса заинтересованных сторон. Дело было инициировано по поводу постановления Европейского суда по правам человека от 29 марта 2006 г. «Скордино против Италии». Позже были приняты еще ряд постановлений в русле такой же тенденции.

Поправками от 14 декабря 2015 года к ФКЗ-1 «О Конституционном суде РФ» был дополнен п.3.2. согласно которым у Конституционного суда РФ появились полномочия по рассмотрению возможности исполнения решений различных международных структур в РФ.

На фоне начала спецоперации на Украине Совет Европы 25 февраля 2022 г. приостановил представительство России в уставных органах Совета Европы. В связи с этим 15 марта МИД РФ вручил генсеку Совета Европы Марии Пейчинович-Бурич уведомление о выходе РФ из организации. Генпрокуратура России исполнила вынесенные до 15 марта постановления Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), выплатив компенсации на 4,65 млн евро [3]. 16 сентября РФ перестала являться стороной Европейской конвенции по правам человека и вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ. Таким образом, с этой даты решения данного органа не будут исполняться на территории РФ.

Среди причин нежелания исполнять решения международных структур, а такая ситуация существует и в отношении

решений и других международных органов, следует выделить политизированность международных судебных учреждений при вынесении решения по некоторым делам, их излишнее стремление привлечь государства к международной ответственности в зависимости от сложившейся на тот момент внешнеполитической ситуации.

Случаи неисполнения зафиксированы и в отношении решений других, более значимых органов. Например, решения Международного Суда ООН исполняются государствами, но все же присутствуют случаи открытого игнорирования решений по делу, вынесенных данным судом, например, Иран (решение по спору о заложниках в американском посольстве), Исландия (оба решения по спорам о рыболовстве) [2].

Модель конституционного контроля в России построена по образцу «европейской» и, следовательно, полномочия должны быть обозначены, как и перечень актов, подлежащих конституционному контролю.

Возникает вопрос, а не имеет ли смысл

обязать законодателя до принятия закона о ратификации международного договора получать заключение Конституционного суда РФ, если из содержания данного договора могут возникнуть обязательства по исполнению решений, обозначенных в п. 3.1-3.3. ФКЗ-1 ст.3 федерального конституционного закона «О Конституционном суде РФ». Сейчас у Конституционного суда есть право проверять эти акты по запросам субъектов, указанным в статье 3 п. федерального конституционного закона.

Такая мера может способствовать предотвращению необходимости исполнять такого рода решения и обосновывать причину оставления их без исполнения.

Считаю необходимым внести дополнения в статью 3 п. 1 ФКЗ-1 «О Конституционном суде РФ» обязав законодателя и Конституционный суд России осуществлять предварительный конституционный контроль в отношении проектов международных договоров. Такого рода контроль существует в Польше, Португалии и уже показал свою эффективность [1].

Литература

1. Брежнев О. В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 10. — С. 36—43. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.036-043.
2. Воронцова И. В. Правовое регулирование исполнения решений иностранных судов (на примерах судебной практики) // Марийский юридический вестник. — 2013. — № 10.
3. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/01/23/960016-genprokuratura-viplatila-46-mln-evro>.
4. Страсбургское правосудие: главные цифры за 2021 год// <https://pravo.ru/story/238497/>.
5. Федеральный конституционный суд ФРГ. Решение от 26.03.1987 по делу № 2 BvR 589/79.// URL: <https://openjur.de/u/179041.htm>.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»// <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018>.

References

1. Brezhnev O. V. Predvaritel'nyy konstitutsionnyy kontrol' i yego realizatsiya v Rossii: problemy teorii i praktiki // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 10. — S. 36—43. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.036-043.
2. Vorontsova I. V. Pravovoye regulirovaniye ispolneniya resheniy inostrannykh sudov (na primerakh sudebnoy praktiki) // Mariyskiy yuridicheskiy vestnik. — 2013. — № 10.
3. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/01/23/960016-genprokuratura-viplatila-46-mln-evro>.
4. Strasburgskoye pravosudivye: glavnyye tsifry za 2021 god// <https://pravo.ru/story/238497/>
5. Federal'nyy konstitutsionnyy sud FRG. Resheniye ot 26.03.1987 po delu № 2 BvR 589/79// URL: <https://openjur.de/u/179041.htm>.

6. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.07.2015 N 21-P "Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy stat'i 1 Federal'nogo zakona «O ratifikatsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i Protokolov k ney», punktov 1 i 2 stat'i 32 Federal'nogo zakona "O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiyskoy Federatsii", chastei pervoy i chetvertoy stat'i 11, punkta 4 chasti chetvertoy stat'i 392 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, chastei 1 i 4 stat'i 13, punkta 4 chasti 3 stat'i 311 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, chastei 1 i 4 stat'i 15, punkta 4 chasti 1 stat'i 350 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii i punkta 2 chasti chetvertoy stat'i 413 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dume»// <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018>.

ИВАНИН Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. Академика И.Г. Петровского. 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14. E-mail: i.rudyy@internet.ru

IVANIN Alexander Alexandrovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Bryansk State University named after V.I. Academician I.G. Petrovsky. 241036, Bryansk, st. Bezhitskaya, 14. E-mail: i.rudyy@internet.ru

Росенко М.И.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ЗАЩИТЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ, ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН И ПОСЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Rosenko M.I.

BIOLOGICAL PASSPORT AS A TOOL FOR INCREASING SOCIAL RESPONSIBILITY TO PROTECT THE INSTITUTION OF THE FAMILY, THE HEALTH OF CITIZENS AND FUTURE GENERATIONS: SOCIAL AND LEGAL ASPECT

В статье исследуются проблемные вопросы реализации государственной политики в отношении охраны традиционного института семьи, заботы о здоровье нации, противодействия социально безответственным проявлениям некоторых категорий лиц в отношении рождения детей, внедрения биологических паспортов и защиты информации. Отмечено, что реализация основной социальной политики государства в долгосрочной перспективе представляет сложную систему, включающую конституционно-правовую основу, социальные ориентиры, нравственно-этическую сторону, правовую базу концепции личной жизни граждан, политики невмешательства в нее и одновременно созданием условий для основы защиты прав и законных интересов граждан во всех сферах жизнедеятельности. Предложено кроме просветительской и воспитательной работы, поддержки семей с детьми, внедрить биологические паспорта и решить вопрос правовой защиты генетической информации.

Ключевые слова: институт семьи, государственная политика, кровосмешение, здоровье нации, безответственность, биологический паспорт, генетическая информация.

The article examines the problematic issues of the implementation of state policy regarding the protection of the traditional institution of the family, concern for the health of the nation, countering socially irresponsible manifestations of certain categories of persons with regard to the birth of children, the introduction of biological passports and information protection. It is noted that the implementation of the basis of the social policy of the state in the long term is a complex system, including the constitutional and legal basis, social guidelines, moral and ethical side, the legal basis of the concept of personal life of citizens, the policy of not interfering in it and at the same time creating conditions for the basis of the protection of the rights and legitimate interests of citizens in all spheres of life. In addition to educational and educational work, support for families with children, it is proposed to introduce biological passports and solve the issue of legal protection of genetic information.

Keywords: family institution, state policy, incest, health of the nation, irresponsibility, biological passport, genetic information.

Сохранение традиционного института семьи, забота о здоровье нации и будущих поколений является основой соци-

альной политики государства в долгосрочной перспективе. Реализация ее представляет сложную систему, включа-

ующую конституционно-правовую основу, социальные ориентиры, нравственно-этическую сторону, правовую базу концепции личной жизни граждан, политики невмешательства в нее и одновременно созданием условий для основы защиты прав и законных интересов граждан во всех сферах жизнедеятельности.

Целью исследования являются проблемы института семьи, создания условий для здоровья граждан, последующих поколений, получения хранения и использования генетической информации, включая социальный и правовой аспект. Из исторического прошлого мы знаем, что наш народ знал революции и войны, социальное неравенство, голод и нищету, но роль семьи всегда была высока, потому что именно семья давала человеку тот необходимый жизненный базис: потомство, возможность совместного ведения быта, воспитание, передача жизненного опыта от поколения к поколению. Конечно, невозможно не отметить влияние идеологии церкви на институт семьи и её контроль по религиозным канонам, а также контроль со стороны государства: по всем правовым источникам, начиная от Русской Правды, провозглашалась единственная форма семейного проживания – церковный брак. Разводы, отказы от детей, прелюбодеяние считались грехом, последний имел наказание и в правовом поле. Так, по Уставу Ярослава Мудрого мужчина-изменник наказывался штрафом в пользу церкви, установленным князем, а женщина-изменница изгонялась из семьи [1], по Судебнику 1550 года супружеская измена наказывалась смертной казнью [2]. Контроль над институтом семьи со стороны церкви, государства и общественности давал свои положительные результаты: так, в последние годы существования Российской империя по сравнению со странами Запада и Европы имела самый высокий коэффициент зарегистрированных браков, как единственно приемлемой формы совместного супружеского проживания. В это время страна переживала демографический взрыв: по данным УГВИ МВД и ЦСК МВД ежегодно население России до 1914 года в среднем увеличивалось на 1,7% в год [3].

Однако после революционных потрясений 1917 года и до середины 20-х годов XX века в связи с переходом государства на новую модель правления наше общество уже испытало на себе негативные последствия разрушения вековых семейных ценностей в результате неразумной политики нововведений. Отрицая, как пережиток общества, и высмеивая преж-

нюю мораль семейных отношений, новым укладом жизни широко пропагандировался институт развода, незарегистрированные формы сожительства все больше перерастали во временные и безответственные, а также беспорядочные интимные связи. Результатами пропаганды антисемейных устоев стали изменение роли мужчины в семье, падение его авторитета, неправильное сексуальное воспитание подрастающего поколения, демографические проблемы, рост преступности, в том числе с участием беспризорных детей.

Понимая всю серьёзность положения, с 1926 года, с момента принятия Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, государство вновь берет под контроль сферу семейно-брачных отношений, возвращая проверенные веками устои традиционной семьи.

В настоящее время, также, как и почти 100 лет назад, конституционно-правовое закрепление института традиционной призвано положительно влиять на дальнейшее развитие нашего государства и его стабильность, на его будущее в виде последующих здоровых поколений, оказывая значительное влияние на социализацию нового члена общества и передавая необходимые семейные ценности. Исправить наметившуюся мировую тенденцию выбора не в пользу традиционной семьи, а в пользу выбора жизни людей детородного возраста под девизом свободной любви, полной безответственности и равнодушия к последствиям такой жизни, в России призвана была конституционная реформа 2020 года [4].

Конечно, это зона личной жизни, которую никто и никогда не может контролировать, кроме собственной совести. А если совесть молчит? И где проходит граница этой личной жизни? Когда очередной «ненужный» ребёнок, как результат свободной любви, остаётся в детдоме, или один из родителей остаётся один на один с проблемами обеспечения, воспитания ребёнка, пытается найти и заставить выплачивать уклоняющегося нерадивого родителя алименты, - то вряд ли это можно назвать сферой личной жизни, так как теперь именно общество в лице государства и государственных учреждений решает вопросы защиты и обеспечения нового человека.

В настоящее время, как ни парадоксально звучит, возникает проблема кровосмешения. Казалось бы, все знают, что кровосмешение, как следствие интимных отношений между единокровными братьями и сёстрами, сопровождающихся

рождением физически и психически неполноценного потомства, ведет к деградации общества. Сегодня общество вновь реально может столкнуться с причинами, способными пробудить это опасное социальное явление и сделать ужасной жизнь последующих поколений. Доноры спермы, защищённые анонимностью, могут, реализуя свое право на личную жизнь, вести ни к чему не обязывающие интимные связи, провоцирующие рождение детей, которые впоследствии став взрослыми людьми и вступив в брак, могут не догадываться о своём родстве. Ограничение для доноров законодательно установлено лишь п.7 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который гласит что «Быть донорами половых клеток имеют право граждане в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование». Предотвратить негативные последствия этого явления в будущем, как и проблему установления отцовства (материнства) возможно, благодаря достижениям медицины в области ДНК.

Введение биологического паспорта для каждого человека, и в первую очередь это необходимо для детей и людей детородного возраста, может решить проблему, но одновременно ставит новые задачи. И в первую очередь это защита информации.

Еще одним из путей недопущения кризисного состояния института семьи, предлагается возродить практику, аналогичной нормам, существовавшим в Кодексе РСФСР 1926 года по части осведомлённости регистрирующих брак о состоянии здоровья, в частности, в отношении венерических, душевных и туберкулёзных заболеваний (хотя вопрос охраны медицинской тайны является дискуссионным, но мы должны также учитывать и защищать интересы и здоровье второго супруга, а также и потенциального ребёнка, при этом врачебная тайна не будет нарушена, так как результаты будут сообщаться только лицам, вступающим в брак), количества браков, зарегистрированных или незарегистрированных, и количества детей, с привлечением к юридической ответственности за сокрытие этих сведений. Согласно данным Пенсионного фонда России, всего в РФ 11,7 млн инвалидов, дети составляют из них 5,6%. Из них 402 тыс. человек – мальчики, 298 тыс. – девочки. По словам А. Левицкой, к сожалению, эти показатели растут из года в

год¹. Также количество родов от ВИЧ-инфицированных матерей в РФ ежегодно увеличивается на 13–14 тыс.², несмотря на наличие уголовной ответственности за заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией. Положение ст.15 СК РФ [2], говорящее о добровольном медицинском обследовании брачующихся, опять-таки рассчитано на людей с определённым моральным уровнем. Другие исследователи, считают, что данная норма не выполняет той функции, которая на неё возложена, а именно – информированность про состояние здоровья брачующихся, так как незначительная часть людей проходит эту процедуру, что в итоге не решает проблему заключения брака с лицом, страдающим опасным заболеванием. Предлагая обязательность данной медицинской процедуры, они считают необходимым ввести утверждённый Правительством РФ перечень опасных для супружеской жизни заболеваний [5]. Если мы обратимся к зарубежному опыту в данной сфере, то увидим, что во Франции, Молдавии, Узбекистане, некоторых штатах США и в ряде других зарубежных стран процедура медицинского обследования будущих супругов является обязательной [6; 7]. С целью осознанного подхода к вопросу о вступлении в брак, создании семьи, рождение здоровых детей, а также, руководствуясь положениями ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. ФЗ от 1 мая 2022 г. № 129-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» целесообразно более подробно изучить этот опыт.

Обоснования по необходимости введения биологического паспорта, его актуальности, состоятельны. Однако, несмотря на то, что сохранение и защита здоровья людей сегодня является залогом здоровья для будущих поколений, и составляет важнейшую ценность российского общества, на первое место, как уже отмечалось ранее, выступает проблема защиты данных. Существующий закон о персональных данных эту проблему не решает, т.к. речь будет идти о совершенно новом виде социальной информации, для которой нужен специальный правовой режим.

¹ См.: Количество родов от ВИЧ-инфицированных матерей в РФ ежегодно увеличивается на 13–14 тыс. [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/health/2021-12-21/8_8332_news2.html (дата обращения: 12.09.2022).

² См.: Количество родов от ВИЧ-инфицированных матерей в РФ ежегодно увеличивается на 13–14 тыс. [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/health/2021-12-21/8_8332_news2.html (дата обращения: 12.09.2022).

Особый интерес сегодня представляют генетические исследования и статус генетической информации, вопросы является ли генетическая информация биометрическими персональными данными и какими правовыми нормами она должна регулироваться.

ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) - носитель генетической информации о человеке, записанной с помощью генетического кода. ДНК Уникальна для каждого живого существа и является своеобразным индивидуальным «отпечатком», позволяющим его идентифицировать.

Молекула ДНК, как отмечают исследователи [8; 9], в дополнении к информации об ее индивидуальности, обладающей свойствами идентификации наследственности, несет информацию не только об ее обладателе, но и о родителях, родственниках, потомках. Давая согласие на обработку своей генетической информации, субъект данных также разрешает доступ к генетической информации своих родственников. Защита же персональных данных, касается только информации о субъекта ее носителя и требует лишь его согласия.

В какой-то мере проблема защиты данных могла бы решаться исходя из подходов, что использование «некодирующих» сегментов ДНК, посредством которой можно получить «генетическую подпись» человека, а не информации о его физиологических, наследственных характеристиках. В этом случае генетическая идентификация направлена на идентификацию человека, а не на его изучение. Отпечатки пальцев, используемые полицией и правосудием, касаются только маркеров пола и идентификации, служат для облегчения идентификации и исследований лиц, совершивших определенные преступления [9].

Что касается «кодирующей» информации ДНК, то целью анализа является получение информации о здоровье соответствующего лица (предрасположенность к заболеванию, генетическое уродство). Способ получения такой информации, ее использования и хранения, доступ к ней и распоряжение ее должны быть законодательно урегулированы. Не исключено, что длительное хранение информации и (или) образцов ДНК, выполняющей роль защиты прав граждан и заботы о последующих поколениях, не приведет к нарушению прав человека. На данную проблему обращают внимание известные исследователи Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. [10].

На существование угроз хранения в течение длительного времени образцов ДНК при стремительном развитии технологий в сфере генетики и возможным на-

рушением прав человека посредством вмешательства в частную жизнь гражданина указывается в решении ЕСПЧ [11].

Исследования в сфере генетики в России регулируются Федеральными законами от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», от 05.07.1996 N 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», от 03.12.2008 N 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в РФ».

Деятельность по получению и обработке ДНК-информации в случаях, не связанных с раскрытием и расследованием преступлений, т.е. вне рамок от N 242-ФЗ от 03.12.2008 в настоящее время остается практически не урегулированной.

Таким образом, укрепление института семьи, создание условий для здоровья граждан, последующих поколений, получения, хранения и использования генетической информации, включая социальный и правовой аспект, является основой социальной политики государства. Реализация ее представляет сложную систему, включающую конституционно-правовую основу, социальные ориентиры, нравственно-этическую сторону, правовую базу концепции личной жизни граждан, политики не вмешательства в нее и одновременно созданием условий для основы защиты прав и законных интересов граждан во всех сферах жизнедеятельности. Возрождение семейных ценностей продолжается. В огромной просветительской и воспитательной работе принимают участие многие институты общества, такие как школа, церковь, различные общественные организации, СМИ. Эффективной мерой в борьбе с таким негативным явлением, как безответственная рождаемость детей, и его будущим последствием в виде кровосмешения в следующих поколениях, может стать введение биологического паспорта. Его внедрение напрямую зависит от степени правовой защиты личной информации граждан. Существующие в настоящее время Федеральные законы от 03.12.2008 N 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» полностью проблему не решают. Генетическая информация в полной мере не соответствует понятию персональных данных, так как может относиться к неограниченному кругу лиц. Биометрические данные являются особым видом персональных данных и для них должен быть установлен специальный порядок правового регулирования. Этим обусловлена необходимость разработки

на законодательном уровне правового акта, регламентирующего вопросы создания, обращения, хранения и использования генетической информации.

Литература

1. Оригинал текста Церковного Устава Ярослава Мудрого [Электронный ресурс] // Информарус. URL: <https://информа.рус/ярослав-мудрый/внутренняя-политика/церковный-устав/оригинал-текста/> (дата обращения: 03. 10.2022).
2. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс] // Заметки на полях. URL: <http://his95.narod.ru/1550.htm> (дата обращения: 03.10.2022)
3. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения: 13.10.2022).
4. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020: <http://duma.gov.ru/news/48953/>
5. Матвеева Н. А. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в Российской Федерации, Украине и Беларуси // Медицинское право. 2007. № 1. С. 19–23.
6. Левушкин А. Н. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в странах СНГ // Медицинское право. 2011. № 3. С. 41–43.
7. Никогосян С. А. Медицинское обследование как условие заключения брака // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. №3. С. 49.
8. Кубитович С.Н. ДНК как носитель информации неограниченного круга лиц // Вестник экономической безопасности. 2017. N 4. С. 186.
9. Попов В.В. Идентификация личности молекулярно-генетическими методами // Юристъ-Правоведъ. 2018. N 3 (86). С. 169 – 175.
10. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica. 2019. N 1. С. 108 – 118. (дата обращения: 13.11.2022).
11. Case of S. and Marper v. The United Kingdom. URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2008/1581.html> (дата обращения: 13.11.2022).

References

1. Original teksta Cerkovnogo Ustava Jaroslava Mudrogo [Jelektronnyj resurs] // Informarus. URL: <https://informa.rus/jaroslav-mudryj/vnutrennjaja-politika/cerkovnyj-ustav/original-teksta/> (data obrashhenija: 03. 10.2022).
2. Sudebnik 1550 g. [Jelektronnyj resurs] // Zametki na poljah. URL: <http://his95.narod.ru/1550.htm> (data obrashhenija: 03.10.2022)
3. Sifman R.I. Dinamika chislennosti naselenija Rossii za 1897–1914 gg. Jelektronnaja versija bjulletenja «Naselenie i obshhestvo». Centr demografii i jekologii cheloveka Instituta narodnohozajstvennogo prognozirovanija RAN. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (data obrashhenija: 13.10.2022).
4. Novyj tekst Konstitucii RF s popravkami 2020: <http://duma.gov.ru/news/48953/>
5. Matveeva N. A. Pravovye aspekty medicinskogo obsledovanija lic, vstupajushhih v brak, v Rossijskoj Federacii, Ukraine i Belarusi // Medicinskoe pravo. 2007. № 1. S. 19–23.
6. Levushkin A. N. Pravovye aspekty medicinskogo obsledovanija lic, vstupajushhih v brak, v stranah SNG // Medicinskoe pravo. 2011. № 3. S. 41–43.
7. Nikogosjan S. A. Medicinskoe obsledovanie kak uslovie zakljuchenija braka // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. 2010. №3. S. 49.
8. Kubitovich S.N. DNK kak nositel' informacii neogranichennogo kruga lic // Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti. 2017. N 4. S. 186.
9. Popov V.V. Identifikacija lichnosti molekularno-genetichesкими metodami // Jurist#-Pravoved#. 2018. N 3 (86). S. 169 – 175.
10. Rassolov I.M., Chubukova S.G., Mikurova I.V. Biometrija v kontekste personal'nyh dannyh i geneticheskoj informacii: pravovye problemy // Lex russica. 2019. N 1. S. 108 – 118. (data obrashhenija: 13.11.2022).
11. Case of S. and Marper v. The United Kingdom. URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2008/1581.html> (data obrashhenija: 13.11.2022).

РОСЕНКО Мария Ивановна, доктор наук государственного управления, доцент, профессор кафедры Конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета. 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: Mariyair@mail.ru

ROSENKO Maria Ivanovna, Doctor of Science in Public Administration, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute of Sevastopol State University. 299053, Sevastopol, st. University, 33. E-mail: Mariyair@mail.ru

Сисакьян А. К.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Sisakyan A. K.

CONSTITUTIONAL LEGAL AWARENESS AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY

Статья посвящена анализу взаимосвязи конституционного правосознания и гражданского общества. Автор обосновывает степень влияния конституционного правосознания на процесс формирования гражданского общества. Выделены факторы формирования высокого уровня конституционного правосознания во взаимосвязи их с институтами гражданского общества, сформулированы представления о необходимости достижения баланса частных и публичных интересов, уравнивания объема конституционных прав и обязанностей и обоюдной ответственности личности и государства.

Ключевые слова: конституционное правосознание, народовластие, гражданское общество, баланс частных и публичных интересов, публичная власть, конституционная ценность.

The article is devoted to the analysis of the relationship between constitutional legal consciousness and civil society. The author substantiates the degree of influence of constitutional legal awareness on the process of formation of civil society. The factors of formation of a high level of constitutional legal awareness in their interrelation with the institutions of civil society are highlighted, ideas about the need to achieve a balance of private and public interests, balancing the scope of constitutional rights and obligations and mutual responsibility of the individual and the state are formulated.

Keywords: constitutional legal consciousness, democracy, civil society, balance of private and public interests, public authority, constitutional value.

Обсуждаемый в последнее время в кругах научной мысли феномен конституционного правосознания справедливо было бы соотнести с таким явлением как демократия, одновременно являющейся конституционной характеристикой и важнейшей конституционной ценностью государства. Именно демократия в числе первых запускает процессы по формированию конституционного правосознания, как, впрочем, и сама развивается под его воздействием. И в этой связи нельзя не сказать об участии в этом процессе институтов гражданского общества.

Здоровое конституционное правосознание есть индикатор правового и демократического государства, где активно функционируют все агенты гражданского общества. В разрезе действующего конституционного текста, гражданское об-

щество, скорее собирательный образ. И если лицо, обладающее профессиональным уровнем конституционного правосознания в состоянии понять, что именно следует отнести к институтам гражданского общества и порядок их функционирования, то индивид, обладающий даже среднестатистическим юридическим горизонтом не способен к подобному осознанию. К сожалению, в Российской Федерации гражданское общество не прижилось и только в последние годы находится в процессе формирования.

В соответствии с ч.1 ст. 3 Конституции РФ единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ. Выходит, что в основе публичной власти, прежде всего, лежит воля народа, а вместе с ней и доля влияния на государственные дела. Следуя логике этого кон-

20

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

ституционного постулата, публичная власть должна осуществляться при содействии и контроле со стороны институтов гражданского общества, в этом, по меньшей мере, кроется ее созидательный потенциал. Ч. 2 ст. 3 Конституции РФ, пусть «между строк», но все же упоминает о существовании гражданского общества, где власть, осуществляемая народом, реализуется им непосредственно, через органы государственной власти и местного самоуправления. Тем не менее, открытым остается вопрос – вкладывает ли законодатель в содержание новоявленного термина «публичная власть» (классически понимаемого в науке конституционного права в трех формах: государственная власть, общественная власть и власть местного самоуправления) [1] понятие народовластия или же речь идет только об органах государственной власти и самоуправления?

Перебирая изъяны Конституции РФ по поводу конституционного усиления гражданского общества и общества как такового, нельзя ни отметить и положительные тенденции. Конституционные поправки 2020 г. в содержание Основного закона приносят статью 751, что гласит о создании в РФ условий для взаимного доверия государства и общества, а в развитие ее положений п. «е1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, где полномочия Правительства РФ дополнены осуществлением мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, посредством обеспечения их участия в выработке и проведении государственной политики.

В контексте конституционно-правового мировоззрения – личность, прежде всего, ассоциируется с гражданским обществом, усилиями и политической активностью которой такое общество развивается и соответствует заявленным в Конституции РФ характеристикам в качестве правового и социального государства, с реально функционирующими в нем институтами демократии. Гражданским обществом должно быть общество политически активных граждан. Политическую стабильность в правовом государстве и гражданском обществе нужно рассматривать исключительно как меру устойчивости национального развития за счет гражданской (политической) активности, где личность играет приоритетную роль [2, с. 238], [3, с. 379]. Политико-правовая активность и должная реализация норм конституционного права предполагает не только знание таковых, но и соответствующее восприятие (и как результат

поведение) их индивидом. Политическая предприимчивость личности, по убеждению И. В. Тепляшина характеризуется активным общением с правом, выраженным в систематическом участии в правотворческой деятельности государства [4, с. 25]. Вот только существование гражданского общества стараниями одного лишь индивида, едва ли возможно. Указанная сфера реализации гражданами активной жизненной позиции, даже при условии их заинтересованности и желании участия в политической жизни государства требует достижения баланса частных и публичных интересов.

Неадекватная реализация государством, возложенных на него функций, побуждает население к более активной форме достижения своих пожеланий. Граждане самоорганизуются в формальные и неформальные общественные объединения, отнюдь не по интересам, а для решения насущных в обществе проблем: борьба с наркоманией, помощь тяжелобольным детям, охрана памятников культуры и многое другое. Заменяя таким образом, неэффективные публичные институты. Часть таких формирований, с течением времени становятся крупными общественными движениями, например, учрежденный Е. Глинкой благотворительный фонд «Доктор Лиза». Наряду с возросшей гражданской предприимчивостью активно снижается авторитет не только органов публичной власти, что должны обеспечивать нормальный уровень гражданского жизнеобеспечения, но и политических партий, программные общения которых реализованы не были. Конституционное правосознание может возникнуть только там, где достигнут компромисс между личностью, социумом государством. Появление в Конституции норм об участии населения в делах государства (а в общем смысле – это и есть конституционное правосознание) не означает конкуренции между обществом и государством, и даже их равноправия, скорее – это компромисс.

Научное и практическое значение конституционного правосознания в контексте взаимодействия государства и человека состоит в том, что таковое служит «лакмусовой бумажкой», что демонстрирует степень доверия населения к органам публичной власти, удовлетворенность деятельностью государства в области защиты прав и свобод человека и гражданина, состоянием социально-экономической сферы, желание и готовность индивида в управлении (прямо или косвенно) делами государства, включая кон-

троль за деятельностью государства, в целом к государственно-правовой сфере. «...консенсус трансформирует власть в авторитет, и тем самым правовые акты государственного управления становятся легитимными нормами политической деятельности» [5, с. 48]. Баланс, способствующий укоренению конституционного правосознания, достигается не только из осознания предоставленных гражданам прав и свобод, и обязанностей, возложенных на государство, но и принятия, исполнения самими гражданами установленных законом конституционных обязанностей (правовой анализ собственно поведения и поведения других субъектов конституционных правоотношений, взаимная ответственность государства и личности) [6, с. 146-148].

Несомненным пороком современного конституционного правосознания является осознанная отстранённость, отсутствие вовлеченности и ощущения причастности себя с событиями, происходящими в государстве. Гражданское равнодушие может быть вызвано несбывшимися конституционными ожиданиями, ощущением ненужности и социальной незащищенности; что как итог приводит к недоверию власти, разочарованию и безразличию к политическим институтам, политико-правовой безграмотности; негативным психологическим установкам, низкой эффективности политической системы, политической апатии и даже бойкоту институтам политической системы [7, с. 7-10]. В сознании некоторых граждан имеет место быть отождествление государства с аппаратом принуждения, служащие которого разве что удовлетворяют интересы самого государства, но не общества; уравнивание властеотношений с персональным своеволием отдельных должностных лиц, что по убеждению Куркина Б. А. провоцирует распространение презумпции «виновности государства» [8, с. 115]. Одновременно с этим, присутствует восприятие государства как «органа социального призрения» [9, с. 360], что несет ответственность не только за обеспечение национального правопорядка, но и материального благополучия граждан. Вероятно, источником такого искаженного восприятия роли государства являются не совсем привычные нашему правовому менталитету термины «государственная услуга» и «муниципальная услуга», что были введены в публичный оборот ФЗ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Было бы справедливым, чтобы нерешитель-

но упомянутые в тексте Конституции РФ конституционные обязанности человека и гражданина имели бы столь же высокий уровень конституционной регламентации, как и провозглашённые в ст. 2 Конституции РФ права и свободы, признанные высшей ценностью государства. Несомненно, личность вправе рассчитывать на защиту, удовлетворение потребностей и обеспечение гражданского благополучия со стороны государства, но принимая во внимание правомерность поведения самой личности. Уместными в этой связи кажутся слова профессора Авакьяна С. А., о недопустимости перекосов, которые порождают иждивенческие наклонности у тех или иных субъектов трудовой и общественной жизнедеятельности [10, с. 19]. В конечном счете равновесие в диалоге «личность и государство» выражает цели и ценности конституционного права.

Вырабатывая политику формирования конституционного правосознания, государство должно наполнить ее созданием эффективного механизма защиты конституционных прав и условий, обеспечивающих формирование полнокровного конституционного правосознания [11]. Органам публичной власти, выступающим в лице правоприменителя и правотворца, необходимо сформировать соответствующую такому уровню правосознания среду обитания. Такое пространство должно быть наполнено взаимным доверием личности, общества и государства, что в совокупности обеспечит правопорядок и законность, снижение социальной напряженности и конституционных рисков.

Следует помнить, что публичная власть реализует свои задачи в среде, традиционно именуемой гражданским обществом [12, с. 3-6] и делегирование народом публичной власти органам управления, не должно еще больше отстранять его от государства. Как итог, «возможности», предоставленные конституционным и текущим законодательством для учреждения реально функционирующих институтов гражданского общества, ставят на службу органам публичной власти единственный источник власти в стране – многонациональный народ России. Население страны по-прежнему всецело зависит от государства и его публичных органов власти, при этом не имея реальных возможностей влияния на политическую ситуацию в государстве.

А потому, как и прежде, можно говорить о том, что конституционный законодатель так и не включил в содержание

Конституции РФ категорию «гражданского общества», по-прежнему не обеспечив возможность народного контроля. Решить эту сложную на практике задачу, можно только посредством раскрытия диалогичного потенциала нормальных взаимоотношений власти и общества, а это возможно благодаря их конституционализации (расширение конституционных основ). Сказанное вовсе не означает восприятие нами государства как аппарата принуждения, и все же, нельзя абстрагироваться от мысли, что государство было создано для управления обществом, в связи с чем ему были предоставлены возможности применения государственного принуждения, а вслед за этим, примата в отношениях общества и государства. Конструктивный диалог между государством и гражданским обществом возможен при следующих условиях:

1. легитимация гражданского общества, посредством включения в конституционный текст положений, посвященных институтам гражданского общества;

2. отказ от поглощающего социум государственного «покровительства», равно как и недопущение гипертрофированного социального призрания;

3. устремление к равноправию государства и личности, посредством укоренения идеи их обоюдной ответственности [13, с. 147];

4. обеспечение реально функционирующих общественного и парламентского контроля, с целью достижения взаимодействия между населением и органами публичной власти, а также ревизии деятельности органов публичной власти;

5. поддержание доверия граждан к закону и действиям государства, взаимное доверие государства и общества.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс в 2 т. 6 -е изд. Т. 7 1. М.: Норма, 2018
2. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 2001. С. 238
3. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. С. 379
4. Тепляшин И.В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 25
5. Ховралёв А.Л. Конституционная легитимность как основополагающая предпосылка обеспечения стабильности общества и государства / А.Л. Ховралёв. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014. – № 2 (27). – С. 48.
6. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография / Б.С. Эбзеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – С. 146–148.
7. Иванова Е.М. Протестное участие как форма импобильного политического поведения (социологический подход) / Е.М. Иванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 7–10.
8. Куркин Б.А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 115
9. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд. М., 2013. С. 360
10. Авакьян С.А. Социальность: конституционно – правовые гарантии выполнения задач государства, активизация личности и предупреждения иждивенчества // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 3. С. 19
11. Сисакьян А.К. Конституционное правосознание как фактор устойчивого развития государства и общества // Юридический мир. 2022. № 8(308)
12. Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9 С. 3–6
13. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-изд. Проспект. С. 147
14. Виноградова Е.В. Влияние конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на законодательный процесс / Е.В. Виноградова // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 118.

References

1. Avak'yan S. A. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnyj kurs v 2 t. 6 -e izd. T. 7 1. M.: Norma, 2018
2. Lazarev V. V. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. M.: YUrist, 2001. S. 238
3. Malahov V.P., Eriashvili N. D. Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy sovremennoj yuridicheskoy teorii. S. 379

4. Teplyashin I.V. Stanovlenie rossijskoj pravovoj gosudarstvennosti i pravovaya aktivnost' grazhdan // ZHurnal rossijskogo prava. 2002. № 1. S. 25
5. Hovralyov A.L. Konstitucionnaya legitimnost' kak osnovopolagayushchaya predposylka obespecheniya stabil'nosti obshchestva i gosudarstva / A.L. Hovralyov. // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. – 2014. – № 2 (27). – S. 48.
6. Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii: monografiya / B.S. Ebzeev. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2013. – S. 146–148.
7. Ivanova E.M. Protestnoe uchastie kak forma immobil'nogo politicheskogo povedeniya (sociologicheskij podhod) / E.M. Ivanova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya. – 2011. – T. 11. – № 2. – S. 7–10.
8. Kurkin B.A. Ideologema prav cheloveka i ee interpretaciya v sovremennoj otechestvennoj pravovoj teorii // Pravo. ZHurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2008. № 2. S. 115
9. Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii. 2-e izd. M., 2013. S. 360
10. Avak'yan S. A. Social'nost': konstitucionno – pravovye garantii vypolneniya zadach gosudarstva, aktivizaciya lichnosti i preduprezhdeniya izhdivenchestva // ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2019. № 3. S. 19
11. Sisak'yan A.K. Konstitucionnoe pravosoznanie kak faktor ustojchivogo razvitiya gosudarstva i obshchestva // YUridicheskij mir. 2022. № 8(308)
12. Avak'yan S.A. Modernizaciya publichno-politicheskikh otnoshenij i konstitucionnoe reformirovanie: problemy i perspektivy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 9 S. 3–6
13. Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii. 2-izd. Prospekt. S. 147
14. Vinogradova E.V. Vliyanie konstitucionnogo principa podderzhaniya doveriya grazhdan k zakonu i dejstviyam gosudarstva na zakonodatel'nyj process / E. V. Vinogradova // YUridicheskaya tekhnika. – 2020. – № 14. – S. 118.

СИСАКЪЯН Арус Качпероновна, кандидат юридических наук, доцент Департамента образования Троицкого филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». 457100, Россия, Челябинская область, г. Троицк, ул. Разина, 9. E-mail: arussisakyan@mail.ru

SISAKYAN Arus Kachperonovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Education of the Trinity Branch of the Chelyabinsk State University. 457100, Russia, Chelyabinsk region, Troitsk, st. Razina, 9. E-mail: arussisakyan@mail.ru

Старков А. В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРЕСС-ПУБЛИКАЦИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Starkov A. V.

DETERMINATION OF THE LEGAL NATURE OF PRESS PUBLICATIONS ON THE INTERNET AS OBJECTS OF CIVIL PROTECTION

Информация является ведущим ресурсом для формирования и развития гражданского общества, полноценного функционирования всех государственных структур. В свою очередь новостные сообщения представляют собой новую информацию о недавних событиях, которые представлены в качестве отчета или обсуждения.

В связи с развитием информационных и коммуникационных технологий для передачи новостных сообщений, появились новые способы получения новостной информации. Так в 2016г. Федеральным законом №208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» было введено понятие «новостные агрегаторы», которые включают в себя интернет-ресурсы, воспринимающиеся пользователями как самостоятельные медиа, не отличающихся от новостных издателей.

Новостные агрегаторы не публикуют полные тексты новостных сообщений, а помогают пользователям переходить по ссылке на основной новостной ресурс, используя при этом заголовки и определенные фразы издателей новостных сообщений, представленные в виде пресс-публикаций.

Учитывая динамичность общественной жизни, а также экономическую ценность используемых пресс-публикаций, возникает вопрос о правовой природе данного феномена.

Ключевые слова: смежное право, новостные агрегаторы, издатели, пресс-публикация, Директива (EU) 2019/790, авторское право, онлайн-использование, Бернская конвенция, цифровизация, новости.

Information is the leading resource for the formation and development of civil society, the full functioning of all state structures. In turn, news reports are new information about recent events that are presented as a report or discussion.

Due to the development of information and communication technologies for the transmission of news messages, new ways of obtaining news information have appeared. Thus, in 2016, Federal Law No. 208-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" introduced the concept of "news aggregators", which include Internet resources perceived by users as independent media, not different from news publishers.

News aggregators do not publish the full texts of news reports, but help us-

ers to follow the link to the main news resource, using the headlines and certain phrases of the publishers of news reports, presented in the form of press publications.

Given the dynamism of public life, as well as the economic value of the press publications used, the question arises about the legal nature of this phenomenon.

Keywords: Related law, news aggregators, publishers, press publication, Directive (EU) 2019/790, copyright, online use, Berne Convention, digitalization, news.

Глубокая трансформация общественных отношений, предполагающая повсеместное использование цифровых технологий для оптимизации процессов, повышения оперативности производительности как материальных благ, так и нематериальных, улучшения взаимодействия между авторами и публикаторами, стала активно развиваться. Многие исследователи обоснованно указывают на то, что развитие цифровизации во всех сферах будет продолжаться в силу осуществления как комплексных государственных инициатив, так и изменяющихся общественных отношений.

Так, коренные изменения вопросов авторского права намечаются уже сейчас, столь активное развитие сети Интернет прямо опосредует сложности потребления различного рода контента, включая вопросы чтения прессы. Существование новостных агрегаторов, наиболее распространенных среди пользователей цифрового пространства, а также социальных сетей, нарушает баланс интересов публикаторов оригинальных материалов и данных лиц, когда пользователи обращаются к материалам, не переходя на исходный сайт.

Данная тема является особенно актуальной как на национальном, так и международном уровне, так как существование цифровизации непрерывно и сфера авторского и смежного права изменяется под влиянием информатизации общественных отношений.

Такое соприкосновение с инновациями и стремительно развивающимися технологиями не может не требовать детальной правовой регламентации, а также доктринальных исследований, множество из которых затрагивают анализ различных аспектов данной сферы гражданских правоотношений, так как интеллектуальное право, известное как право идей, творческих решений и различного рода контента, порождает желание авторов и публикаторов защитить свои права, обеспечить сохранность представляемого контента, что немаловажно для пресс-публикаций и их использования в сети Интернет.

17 апреля 2019 года была принята Директива (EU) 2019/790 об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений и дополнений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС (далее – Директива 2019/790).

Первым из новых смежных прав, которые были признаны в Директиве, являются права издателей прессы на онлайн-использование их публикаций новостными агрегаторами.

Объектом нового смежного права издателей являются пресс-публикации, под которой понимается сборник, состоящий в основном из литературных произведений журналистского характера, который:

- 1) может также включать другие произведения или объекты;
- 2) представляет собой отдельный элемент в периодическом или регулярно обновляемом издании (газете или журнале общего, или специального характера);
- 3) имеет целью предоставить широкой публике информацию, связанную с новостями или другими темами;
- 4) публикуется в любых средствах массовой информации по инициативе поставщика услуг и под его редакционной ответственностью (ст.2 Директивы 2019/790).

Однако согласно п.33 преамбулы Директивы 2019/790 пресс-публикации содержат в основном литературные произведения, но также могут включать в себя фотографии и видео. В свою очередь, издания, опубликованные в научных и академических целях, не охватываются защитой, предоставляемой настоящей Директивой.

Исходя из толкования определения пресс-публикации следует, что публикация в прессе представляет собой «сборник литературных произведений журналистского характера», но может также включать другие произведения или объекты, охраняемые авторским правом. Учитывая, что пресс-публикация является «сборником», в связи с чем не может содержать только одну публикацию, остается открытым вопрос о количестве материалов, затрачиваемых на создание пресс-публикации, а также их пропорциональности.

Таким образом, поскольку пресс-публикация является «сборником», из этого автоматически следует, что различные произведения и другие сюжеты, созданные разными авторами, должны составлять такой сборник.

Согласно Директиве 2019/790, основными элементами пресс-публикации являются литературные произведения журналистского характера. Однако не все произведения журналистского характера можно отнести к литературным произведениям [1]. Традиционно литературными жанрами считались эпос, лирика и драма. В настоящее время жанры прессы делятся на информативные, авторские, а также информативно-авторские. Оппозиционные жанры обычно считаются литературными и включают, среди прочего, проблемные репортажи, обзорные статьи, комментарии, рецензии, эссе, дневники, романы в эпизодах и редакционные статьи.

В Бернской конвенции, под литературными произведениями понимаются книги, брошюры и другие сочинения. Таким образом, можно сделать вывод, что законодатели ЕС имели ввиду именно вышеуказанные работы. Если принять такое толкование, то термин «литературные произведения журналистского характера» следует переводить просто как журналистские текстовые произведения.

В первой редакции Бернской конвенции от 1886г. журналистские материалы не считались литературными произведениями и исключались из-под охраны авторских прав, поскольку считались ремесленными произведениями [2].

Таким образом, больше всего сомнений возникнет на основании требования, чтобы произведения, включенные в печатное издание, носили «публицистический характер». В свою очередь понятие «журналистской деятельности» интерпретируется как обнародование информации, мнений или идей независимо от того, какой носитель используется для их передачи [3].

Большинство материалов, распространяемых в Интернете, информируют о фактах или высказывают мнения. Однако понятие «произведение журналистского характера» для целей Директивы 2019/790 введено не было, в связи с чем его толкование должно быть более детально, чем понятие действия «в журналистских целях», что сопряжено с понятием «журналист».

В свою очередь определение «журналист» не является единым в системах государств-членов.

Французская правовая система дает юридическое определение журналиста, однако это определение ограничивается понятием профессионального журналиста. Согласно ст. L.7111-3-L.7111-5 Трудового кодекса Франции, профессиональным журналистом является любое лицо, чья основная, регулярная и оплачиваемая деятельность основана на практике его/ее профессии в одном или нескольких печатных компаниях, ежедневных публикациях и периодических изданий или агентств печати, и что является основным источником дохода для этого лица [4].

С другой стороны, в итальянской правовой системе существует различие между профессиональными журналистами и публицистами. Профессиональный журналист постоянно и исключительно занимается этой профессией, а публицистом является лицо, осуществляющее журналистскую деятельность за плату через определенные промежутки времени, не на постоянной основе, также публицист может осуществлять иную деятельность.

Из анализа определения пресс-публикации как сборника, состоящего в основном из литературных произведений журналистского характера, можно сделать вывод, что недостаточно факта создания пресс-публикации, поскольку даже в определении ЕС «пресс-публикации» в анализируемой Директиве 2019/790 указано, что публикация может включать как журналистские, так и иные произведения. Возможно, журналистский характер материала будет связан с внутренними журналистскими стандартами, реализуемыми издателем прессы, а именно достоверностью, особой тщательностью и объективностью.

В свою очередь построение формулировки «журналистский характер» будет основываться на некоей интуиции, а не на явных критериях.

Таким образом, термин «литературные произведения», закрепленный в Директиве 2019/790, подразумевает в первую очередь письменную форму. Следует отметить, под категорию «публицистического произведения» в литературе [5] не подпадают произведения, служащее только литературному развлечению, т.е. романы и стихи. В свою очередь, если данные произведения не подпадают под категорию «литературных произведений журналистского характера», их можно рассматривать как «другие произведения или сюжеты», упомянутые в Директиве 2019/790. В связи с введением данных понятий возникает проблема баланса меж-

ду литературными произведениями журналистского характера и другими произведениями или сюжетами.

Рассматривая пресс-публикации в качестве «других произведений или сюжетов, следует отметить, что «другие произведения или сюжеты» могут включать произведения, созданные в форме печатного издания, которые могут включать в себя изображения. Рассматривая пресс-публикации в качестве таковых, следует отметить, что в рамках определения пресс-публикации французский отчет предоставил охрану «аудио, визуальному и графическому контенту, включая фотографии». [6] В окончательном тексте Директивы 2019/790, принятой Европейским парламентом, в пункте 56 прямо говорится о фотографиях и видео, которые могут быть включены в пресс-публикацию. Из-за развития онлайн-порталов, на которых также представлены не литературные произведения, кажется, что лишение фотографий и видео, включенных в пресс-публикации особых прав, по сравнению с защитой, которая предоставляется для напечатанных произведений, была бы несправедливой.

Таким образом, термин «другие произведения», используемый в определении пресс-публикации, может включать, например, произведения непублицистического характера, фотографии, аудиовизуальные и слуховые произведения. С другой стороны, «другой предмет» может быть ранее не опубликованной работой и критическими или научными публикациями.

Также в принятой Директиве не была определена длина пресс-публикации, используемой новостными агрегаторами. В свою очередь, можно предположить, что если использование этих коротких фрагментов не повлияет на эффективность прав издателей, то вышеупомянутое исключение можно интерпретировать как то, что фрагмент должен представлять собой длину, которая не удовлетворяет необходимости читать весь текст.

В результате это может привести к запрету на использование даже заголовков или ссылок, если в них достаточно полно раскрыта суть пресс-материала. Проблема допустимости использования выдержек по-прежнему будет вызывать интерпретационные сомнения, и сами новостные агрегаторы не смогут заранее оценить, нарушает ли их поведение смежные права издателя пресс-публикации. Также не решена проблема того, будет ли использование краткого изложения или описания предмета нарушением прав издателей.

В свою очередь фрагменты пресс-публикаций, таких как заглавие, нельзя квалифицировать как литературные произведения [7]. Также фрагменты не могут быть «другими объектами», поскольку они сами должны быть охвачены отдельной правовой охраной.

В ситуации, когда фрагменты пресс-публикации служат лишь кратким изложением материалов прессы, их охрана на основании производных прав на чужие произведения сомнительна, поскольку это нанесло бы ущерб свободе выражения мнений. Следует отметить, что обществу не может быть запрещено обсуждать или анализировать чужие произведения, даже если это выходит за рамки частного или некоммерческого использования. Между всесторонним анализом литературного произведения и кратким изложением того, о чем идет речь в прессе, существует существенная разница.

В связи с тем, что пресс-публикации включают в себя небольшой объем информации, который раскрывает только краткое описание произошедших событий, защита таких кратких резюме может расцениваться как нарушение принципа свободы выражения, отмену свободы обсуждения материалов, размещенных в цифровом пространстве, всеми членами общества. Следовательно, законодательное регулирование защиты пресс-публикаций могло бы подорвать основы демократического общества. Охрана перепечатанных материалов прессы также может быть исключена в связи с тем, что они могут представлять собой лишь простые факты, изложенные в пресс-публикациях, которые не относятся к сфере охраны как произведений, так и объектов смежных прав.

Следовательно, защита фрагментов пресс-публикации может быть урегулирована в том случае, если они будут удовлетворять требованиям, представленным для произведения, которые демонстрируют индивидуальный характер. Пункт 57 преамбулы Директивы 2019/790 предусматривает, что простые факты о текущих событиях, сообщаемые в пресс-публикациях, не охраняются, и, следовательно, исключительные права издателя не препятствуют тому, чтобы кто-либо был информирован о произошедших событиях [8].

Следует отметить, что Бернская конвенция в ст.2.8 также предусматривает, что «охрана настоящей Конвенции не распространяется на новости дня или различные факты, имеющие характер простых сообщений прессы». Таким образом,

исходя из содержания авторского права, следует, что монополизация распространения информации не допустима [9].

Однако, отсутствие защиты пресс-публикации не распространяется на форму его совершения. Так, в ситуации, когда эта новость принимает первоначальную форму, она должна охраняться как произведение. Данное предположение подтверждается урегулированием в французской правовой системе так называемой «необработанной информации», которая в свою очередь должна быть новой и не выделяться формой своего выражения.

Так, Торговый трибунал в Париже [10] принял решение, согласно которому была установлена защита сообщений, созданных Французским агентством печати. Установление данной защиты было обусловлено тем, что при перепечатывании сообщения с веб-сайта издателя прессы было осуществлено с точным переносом орфографических ошибок и цитированием в представленном сообщении издателя. Рассмотрев материалы дела Торговый трибунал пришел к выводу о том, что со-

общение имело свою первоначальную форму, которая в свою очередь охраняется как произведения в соответствии с Кодексом интеллектуальной собственности Франции.

Подводя итог, стоит отметить, что правовая природа пресс-публикаций на сегодняшний день неоднозначна. Тем не менее, важно, чтоб пресс-публикация, облеченная в установленную форму, будет подлежать охране в качестве объекта нового смежного права. Он может меняться через определенные регулярные промежутки времени или может постоянно обновляться, как в случае с веб-сайтом для прессы. Применительно к печатным изданиям таким объектом смежных прав будет считаться каждая конкретная бумажная копия или ее электронная версия. Что касается порталов прессы, публикация в прессе как объект смежного права также будет иметь определенную форму, но ее форма будет меняться чаще в результате постоянного обновления. Однако эта конкретная форма всегда будет предметом нового смежного права для издателей прессы.

Литература

1. Czarny-Drozdzejko E (2013) *Przestępstwa prasowe. Francuska regulacja dotycząca przestępstw prasowych i jej odniesienie do polskiego system prawnego*. Wolters Kluwer, Warsaw.
2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
3. Judgment of 16 December 2008, C-73/07, *Tietosuoja- ja valtuutettu v Satakunnan Markkinapörssi Oy, Satamedia Oy*, ECLI:EU:C:2008:727.
4. Labour Code. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20100202&cidTexte=LEGITEXT000006072050&fastReqlid=567293234&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle>.
5. Bently L, Smith H (2016) Call for views: modernising the European copyright framework. <https://microsites.bournemouth.ac.uk/cippm/files/2017/01/IPOModernisingIPProfResponsePressPublishers>.
6. Rapport sur l'objet et le champ d'application du droit voisin des éditeurs de publications de presse (2018). <https://www.editionmultimedia.fr/wp-content/uploads/2018/05/Rapport-CSPLA-sur-le-droit-voisin-des-editeurs-de-presse-Fevrier-2018>.
7. Elzbieta Czarny-Drozdzejko The Subject-Matter of Press Publishers' Related Rights Under Directive 2019/790 on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-020-00933-y>.
8. Debbasch C, Isar H, Agostinelli X (2002) *Droit de la communication audiovisuel, presse, internet*. Dalloz, Paris.
9. MihalyFicsor. «International Harmonization of Copyright and Neighboring Rights» in *WIPO Worldwide Symposium on Copyright in the Global Information Infrastructure* (1995) 374 *WIPO Pub. No. 746 (E/S)*.
10. Paris District Court for Commerce Matters, 5 February 2010, https://www.legalis.net/spip.php?page=jurisprudence-decision&id_article=2873.
11. Матвеев А.Г. Новое смежное право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей // *Пермский юридический альманах*. 2019. №2. С.257-289.
12. Directive 2019/790/EU (n.1), Art. 18.

References

1. Czarny-Drozdzejko E (2013) *Przestępstwa prasowe. Francuska regulacja dotycząca przestępstw prasowych i jej odniesienie do polskiego system prawnego*. Wolters Kluwer, Warsaw.

2. Bernskaya Konventsiya po okhrane literaturnykh i khudozhestvennykh proizvedeniy ot 09.09.1886 g. [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
3. Judgment of 16 December 2008, C-73/07, Tietosuoja-valtuutettu v Satakunnan Markkinaporssi Oy, Satamedia Oy, ECLI:EU:C:2008:727.
4. Labour Code. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20100202&cidTexte=LEGITEXT000006072050&fastReqId=567293234&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle>.
5. Bently L, Smith H (2016) Call for views: modernising the European copyright framework. <https://microsites.bournemouth.ac.uk/cippm/files/2017/01/IPOModernisingIPProfResponsePressPublishers>.
6. Rapport sur l'objet et le champ d'application du droit voisin des éditeurs de publications de presse (2018). <https://www.editionmultimedia.fr/wp-content/uploads/2018/05/Rapport-CSPLA-sur-le-droit-voisin-des-editeurs-de-presse-Fevrier-2018>.
7. Elzbieta Czarny-Drozdzejko The Subject-Matter of Press Publishers' Related Rights Under Directive 2019/790 on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-020-00933-y>.
8. Debbasch C, Isar H, Agostinelli X (2002) Droit de la communication audiovisuel, presse, internet. Dalloz, Paris.
9. Mihaly Ficsor. «International Harmonization of Copyright and Neighboring Rights» in WIPO Worldwide Symposium on Copyright in the Global Information Infrastructure (1995) 374 WIPO Pub. No. 746 (E/S).
10. Paris District Court for Commerce Matters, 5 February 2010, https://www.legalis.net/spip.php?page=jurisprudence-decision&id_article=2873.
11. Matveyev A.G. Novoye smezhnoye pravo izdateley pressy na onlayn-ispol'zovaniye ikh publikatsiy agregatorami novostey // Permskiy yuridicheskiy al'manakh. 2019. №2. S.257-289.
12. Directive 2019/790/EU (n.1), Art. 18.

СТАРКОВ Андрей Вадимович, аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета. 614068, г. Пермь, ул. Дзержинского, 2. E-mail: stark-energo@mail.ru

STARKOV Andrey Vadimovich, graduate student Perm State National Research University. 614068, Perm, Dzerzhinskiy str., 2. E-mail: stark-energo@mail.ru

Яковлев А.Ю.

ОРГАНЫ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ

Yakovlev A.Y.

BODIES OF EXTERNAL AND INTERNAL CONTROL OF COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION: LEGAL SUPPORT AND PROBLEMS OF FUNCTIONING

К результатам работы организаций с участием государства часто возникает много вопросов. Частично они касаются причин более высокой эффективности частного собственника по сравнению с государством. Для борьбы с неэффективностью и злоупотреблениями в российской и зарубежной практике наработан широкий инструментарий. В настоящем научном труде пойдет речь об органах контроля в таком сложном сегменте государственной собственности, как хозяйственные общества. В данной работе будет проведена классификация органов контроля в государственных обществах с ограниченной ответственностью, публичных и непубличных акционерных обществах; рассмотрены полномочия контрольных органов; разобрано правовое обеспечения их деятельности и раскрыты иные вопросы.

Ключевые слова: хозяйственное общество, акционерное общество, хозяйственное общество с государственным участием, контроль, правовое обеспечение контроля.

Many questions often arise about the results of functioning of organizations with state participation. In part they relate to the reasons for the higher efficiency of the private owner compared to the state. A wide range of tools to combat inefficiency and abuse in Russian and foreign practice has been created. In this scientific work, we will talk about control bodies in such a complicated segment of state property as companies. Classification of control bodies in state limited liability companies, public and non-public joint-stock companies will be carried out; reviewed the powers of control bodies; the legal support of their activities are analyzed and other issues are disclosed in the current paper.

Keywords: company, joint-stock company, company with state participation, control, legal support of control.

Успешность и эффективность создания и функционирования организации зависит от множества факторов. Часть из них лежит вовне, другая внутри юридического лица. Среди оказывающего ключевое влияние на результат находится система управления и контроля организации. Очень часто контроль играет ключевую роль.

В идеале система управления и контроля должна представлять единое целое. Важнейшее значение здесь имеет

качество и детальность правовой проработки вопросов. Однако, даже если не удалось выстроить их четкую и глубокую взаимосвязь, последняя все равно сможет выполнить свою часть работы и предупредить наступление различных негативных последствий для должностных лиц [6] и самого общества [5].

Мировая и российская практика, несмотря на ее обилие, предлагает относительно небольшой перечень контрольных органов юридических лиц. Тип, организа-

ционно-правовая форма, а также масштаб деятельности, численность сотрудников, страна и регион присутствия не оказывают решающего значения на выбор инструментария контроля.

На практике встречаются случаи, когда в средних по масштабам деятельности некоммерческих организациях система контроля намного более четко выстроена, чем в крупных холдингах, в особенности с участием государства. В силу достаточно широкой распространенности хозяйственных обществ с учредителем государством [7], данный научный труд будет посвящен коммерческому блоку государственного сектора экономики.

Возвращаясь к влиянию различных факторов на систему контроля организаций, отметим, что наиболее существенна роль следующих:

- наличие / отсутствие нормативно-правового закрепления необходимости образования соответствующего контрольного органа;

- структура акционерного капитала (распределение долей) в хозяйственном обществе;

- представления акционеров (участников, учредителей) о том, как, в какой степени и каким образом необходимо осуществлять контроль в организациях;

- степень доверия со стороны владельца к единоличному исполнительному органу и иным ключевым лицам;

- количество, характер и стоимостное выражение выявленных ранее нарушений и злоупотреблений в юридическом лице.

Остановимся на обозначенных факторах более подробно.

В законодательстве РФ органы контроля раскрыты довольно скупко. Основной акт гражданского права, ГК РФ, гласит, что порядок образования и компетенция органов определяются данным кодексом, законами и учредительными документами, при этом уточняется, что указанная норма действует, если законодательством иное не предусмотрено (п. 1 ст. 53 [1]). ГК РФ более не уточняет какие органы, в т.ч. контроля, необходимы к формированию. Тем самым он отсылает к профильным федеральным законам.

Текущее акционерное законодательство оставляет немалую почву для творчества. Так публичным обществам предписано:

- образовывать комитет по аудиту (абз. 2 п. 3 ст. 64 [2]);

- коллегиальному органу определять принципы и подходы к организации внутреннего контроля и аудита (пп. 9.2 п. 1 ст. 65 [2]);

- привлекать аудиторскую организацию (ст. 86 [2]).

Причем последнее требование отсылает к закону об аудите (ст. 5 [4]).

В свою очередь, непубличным, исходя из буквы закона, можно не осуществлять контроль вообще. Исключением выступают как раз исследуемые нами общества, акции которых находятся в госсобственности (пп. 5 п. 1 ст. 5 [4]). Необходимо отметить, что обязательность аудита для обществ с ограниченной ответственностью с участием государства не установлена.

Законы об АО и ООО допускают возможность наличия внутреннего контрольного органа. Для этого необходима воля учредителей (акционеров, участников) и закрепление существования контрольного органа в уставе организации. В акционерных обществах органом контроля за финансово-хозяйственной деятельностью выступает ревизионная комиссия (абз. 1 п. 1 ст. 85 [2]), в обществах с ограниченной ответственностью - также ревизионная комиссия либо ревизор в единственном числе (ст. 47 [3]).

Интересна опция, предусмотренная для ООО, заключающаяся в возможности осуществления функций ревизионной комиссии (ревизора) независимым аудитором. Им может быть, как аудиторская организация, так и индивидуальный аудитор (абз. 2 п. 6 ст. 32 [3]).

Существенное значение при подборе инструментария контроля играет структура капитала. В зависимости от числа акционеров (участников) и распределения долей в хозяйственном обществе ситуация с исследуемой областью разнится. Нередко применяется в качестве своеобразной альтернативы органу контроля такой инструмент как ввод в организацию от собственника доверенного человека с контрольными полномочиями. Часто они никак с правовой точки зрения не закреплены, а устно доведены до ключевых лиц хозяйственного общества. Подобный субъект наделяется контрольным функционалом с возможностью запрашивать интересующие его документы, иметь доступ во все помещения юридического лица и брать разъяснения у любых сотрудников.

Уполномоченный человек от акционера может быть оформлен в штат, например, на позицию советника, работать как внешний эксперт на условиях договора оказания услуг или вообще не иметь правовой связи с организацией.

Обозначенный инструмент свидетельствует об имеющихся у акционера (участ-

ника) представлениях о области контроля. Ввиду того, что хозяйственные общества с государственным участием управляются органами исполнительной власти, состоящими из множества госслужащих, понимание акционера, в свою очередь, субъективно, разнородно, неоднозначно.

Внимание акционера – государства к обществам разное и коррелируется среди прочего от степени доверия конкретных должностных лиц, действующих от имени акционера к единоличному исполнительному органу. Чем выше доверие, тем ниже контроль и наоборот.

При появлении информации о нарушениях или злоупотреблениях в юридическом лице, публикации в СМИ подобной информации, контроль усиливается. Могут и образовываться новые контрольные органы.

Имеющиеся на сегодняшний день органы контроля можно классифицировать на основании следующих признаков:

- обязательность формирования – обязательные и факультативные;
- структурное отношения к организации – внутренние и внешние (данная классификация была положена в основу настоящего труда);
- коллегиальность (численного состава органа) – коллегиальный и индивидуальный;
- влияние на годовую отчетность – органы, подтверждающие достоверность отчетности, и, соответственно, не подтверждающие.

Обобщив сказанное, приведем возможные для образования контрольные органы государственных хозяйственных обществ: комитет по аудиту, ревизионная комиссия, структурное подразделение по внутреннему контролю (аудиту). Отдельно стоит выделить: Счетную палату РФ, ОИВ, парламенты (федеральные палаты и региональные). Последние могут быть отнесены к внешним органам контроля в силу наличия у них статуса органа государственной власти и юридического лица, а также по причине имеющихся полномочий.

Внешнего аудитора часто ошибочно относят к внешним органам контроля. В полной мере он таковым не является, т.к. представляет собой отдельное юридическое (или физическое) лицо, никак не связанное с проверяемой организацией. В частности, поэтому один из выводов, который можно сделать: ни с правовой, ни с практической точек зрения органов контроля с приставкой «внешние» у хозяйственных обществ, кроме государственных, быть не может. Исключением служат холдинги.

Тема органов контроля обширная и требует продолжения исследования в будущих научных трудах. Подводя итоги настоящей работы стоит отметить, что эффективная система контроля в хозяйственных обществах может быть построена. Для чего необходимо использовать последние теоретические разработки и передовые практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».
4. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 №307-ФЗ.
5. Глазунова И.В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 4. – С. 512–517.
6. Денисов Р.В. Вина субъектов юридического лица при привлечении к гражданско-правовой ответственности // Проблемы права. – 2019. – № 5. – С. 74–76.
7. Корпоративный уровень системы ГиМУ в России [Электронный ресурс] / Информационно-образовательный портал «Государственное и муниципальное управление». - Режим доступа: http://gimurf.ru/corporativnyj_uroven/ (дата обращения: 14.03.2023).

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ.
2. Federal'nyy zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ «Ob aktsionernykh obshchestvakh».
3. Federal'nyy zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ «Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu».
4. Federal'nyy zakon «Ob auditorskoy deyatel'nosti» ot 30.12.2008 №307-FZ.
5. Glazunova I.V. Problemnnyye voprosy publichno-pravovoy otvetstvennosti

yuridicheskogo litsa // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2019. – № 4. – S. 512–517.

6. Denisov R.V. Vina sub»yektov yuridicheskogo litsa pri privlechenii k grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti // Problemy prava. – 2019. – № 5. – S. 74–76.

7. Korporativnyy uroven' sistemy GiMU v Rossii [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-obrazovatel'nyy portal «Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye». - Rezhim dostupa: http://gimyrf.ru/corporativnyj_uroven/ (data obrashcheniya: 14.03.2023).

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. 117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32. E-mail: gosypravlenie@yandex.ru.

YAKOVLEV Alexander Yurievich, Doctor of Political Science, leading researcher of the Institute of Economics, RAS. 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy prosp., 32. E-mail: gosypravlenie@yandex.ru.

Голубовский В. Ю.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Golubovsky V. Yu.

SOME QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF INSANE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Признание лица невменяемым, имеет принципиальное значение для назначения наказания или освобождения от уголовной ответственности. Закрепленное в действующем уголовном законодательстве понятие категории невменяемости не изменялось с момента введения в действие Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Генезис невменяемости на протяжении всей истории формировал определение категории невменяемости, а также правило, согласно которого определялось, что входит в данное понятие и каким образом определять, является лицо вменяемым или невменяемым. Отдельные аспекты категории невменяемости, в настоящее время нуждаются в совершенствовании. Следовательно, необходим анализ на проблемы, связанные с ретроспективностью института невменяемости. В связи с этим своевременным и обоснованным будет анализ, изучение признаков, критериев невменяемости и содержание возникающих в результате данного правового явления правоотношений в историческом аспекте.

Ключевые слова: вина, исторический аспект, критерии, невменяемость, уголовное законодательство.

The recognition of a person as insane is of fundamental importance for sentencing or exemption from criminal liability. The concept of the category of insanity enshrined in the current criminal legislation has not changed since the introduction of the Criminal Code of the Russian Federation.

The genesis of insanity throughout history formed the definition of the category of insanity, as well as the rule according to which it was determined what is included in this concept and how to determine whether a person is sane or insane. Certain aspects of the category of insanity currently need to be improved. Therefore, it is necessary to analyze the problems associated with the retrospectiveness of the institution of insanity. In this regard, it will be timely and justified to analyze, study the signs, criteria of insanity and the content of legal relations arising as a result of this legal phenomenon in the historical aspect.

Keywords: guilt, historical aspect, criteria, insanity, criminal law.

Внутренний мир человека, это постоянная борьба страстей и разума, эмоций и воли. Следует разделить позицию известного французского писателя М. Дрюон, который отметил, что равновесие че-

ловеческого организма, равно как и организма общественного, не может быть установлено окончательно [1, с. 71]. Хотя есть надежда, что в будущем стрелка разума человеческого твердо, без колебаний

будет устремлена на далекий полюс истины и добра. Столь оптимистический прогноз вытекает из анализа эволюции представления о добре и зле, о преступном и непреступном в своем историческом поступательном развитии [2, с. 4].

С развитием уголовного права взгляды на преступное поведение личности постепенно менялись, вредный результат стали связывать не только с поведением субъекта, но и с его виной, отношением к своему поведению и наступлению последствий. Данное обстоятельство не могло не повлиять на исследования проблемы невменяемости.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики [3, с. 81].

От невменяемости необходимо отличать психическое расстройство, не исключающее вменяемости. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, регулируется в ст. 22 УК [3, с. 82].

История возникновения категории невменяемости берет свое начало еще в дореволюционной России.

Б.А. и С.Б. Спасенниковы утверждают, что институт невменяемости возник еще в XII веке, приводя в качестве источника Судный Закон князя Владимира Мономаха, в котором содержится указание об исключении «бесных» из числа свидетелей [4, с. 130]. Следует не согласиться с данной позицией, так как в Судном Законе категория «бесных» не отождествляется с категорией невменяемости. Подтверждением этого служит Стоглав 1551 года, где указано, что «бесование» должно подвергаться гонению и преследованию. Таким образом, применительно к данному этапу исторического развития невозможно говорить о сформировавшейся категории невменяемости, так как отношение законодателей того времени к людям, которые по своей сути являлись невменяемыми, объяснялось сформированным религиозным мировоззрением.

Воинский Артикул 1715 года содержал в себе положения, смягчающие или освобождающие от наказания тех «кто воровство в лишении ума учинит» [5]. Исходя из этого, лицо могло быть освобождено от на-

казания в связи с его невменяемостью, однако, только при совершении определенного преступления, при этом не устанавливалась причинно-следственная связь между психическим заболеванием и совершенным преступным деянием.

Все это являлось результатом того, что отсутствовало обобщение законодательной и правоприменительной практики, так как в различные исторические периоды категория невменяемости применялась только к определенным преступлениями, и в каждый такой временной период, к разным противоправным деяниям. Следует отметить, что отсутствовал научный взгляд на категорию невменяемости, как со стороны ученых юристов, так и со стороны медико-психиатров.

В последующих нормативно-правовых актах законодатель косвенно сформировал понятие невменяемости. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года законодатель указал, что преступление не вменяется в вину, если совершено лицом, которое страдает от «безумия, сумасшествия и припадков болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство» [6].

Практически идентичное указание на невменяемость содержится в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года [7].

Вместе с тем, ученые того времени предлагали расширенное толкование категории невменяемости. Так, Л.С. Белогриц-Котляревский указывал, что встречаются субъекты, понимающие противозаконность и само свойство деяния и в то же время неспособные в силу своего болезненного психофизиологического состояния руководить своими поступками, которые поэтому и не могут быть им вменены [8, с. 150]. Данная конструкция невменяемости имеет схожесть с действующим понятием невменяемости, а также обращена к субъективной стороне преступления, что является верным, так как соответствует современному пониманию невменяемости.

Далее на развитие отечественного уголовного права оказывало влияние зарубежное уголовное право. Немецкий ученый А.Ф. Бернер издал учебник по уголовному праву, который впоследствии был переведен. Интерес отечественных ученых был обусловлен проводимой судебной реформой 1860-х годов, в том числе особый интерес вызывал институт невменяемости [9, с. 342].

Стоит отметить, что законодатель придерживался противоположной точки зрения, так, например, в Уставе о наказани-

ях, налагаемых мировыми судьями 1864 года содержится статья, в которой указываются обстоятельства, в соответствии с которыми субъекту преступления не вменяются «проступки» в вину. Также содержится статья, в которой указываются обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого, в частности, к таковым по данному Уставу относятся «слабоумие и крайнее невежество».

Следовательно, законодатель разделяет категории невменяемости и «уменьшенной» вменяемости.

В Уголовном уложении 1903 года указывалось, что «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения, не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, или бессознательного состояния, или же умственного недоразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни [10].

В послереволюционное время категория невменяемости законодателем рассматривалась достаточно в узком направлении. В качестве примера необходимо привести Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года. В частности, в статье 14 данного нормативно-правового акта указывалось, что «суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях» [11]. Таким образом, уже в послереволюционной России формула невменяемости была упрощена, так как в юридическом критерии отсутствует волевой критерий. То есть законодатель не предусматривал, что невменяемое лицо, в момент совершения преступления, не могло руководить своими действиями.

Стоит отметить, что определение категории невменяемости содержалось и в УК РСФСР 1922 года, однако, в данном нормативно-правовом акте получило расширенное толкование. При этом, согласно данному закону, не подлежали привлечению к уголовной ответственности лица, совершившие преступление во вменяемом состоянии, но к моменту вынесения приговора их состояние здоровья указывало на невменяемость. Однако, юридический критерий невменяемости оставался тем же, что и у предшествующего ему нормативно-правового акта [12].

Однако, следующий законодательный акт вернулся к той же конструкции категории невменяемости, что была актуальна в

дореволюционное время. Так, в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года указывалось, что «меры медицинского характера подлежат применению в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности или в таком болезненном состоянии, когда они не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими» [13, с. 45].

Таким образом, медицинский критерий категории невменяемости остался неизменным, а юридический критерий содержал в себе как интеллектуальный, так и волевой признак. Данная конструкция была наиболее удачной, то она была продублирована в УК РСФСР 1926 года. При этом, важное уточнение для уголовного права имелось в Уголовном Кодексе Украины, так, в ст. 10 данного нормативно-правового акта указывалось, что лица, в том числе невменяемые, совершали общественно-опасные деяния.

Далее законодатель развивал конструкцию категории невменяемости. Так, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года дается более полная характеристика понятия невменяемости, однако, их вряд ли можно назвать фундаментальными. Таким образом, понятие категории невменяемости за весь период своего развития неоднократно изменялось, формировались критерии невменяемости, а также признаки данных критериев. Стоит отметить, что терминология медицинского критерия не отождествлялась с психиатрией. Медицинский критерий включал в себя «иное болезненное состояние», что является не верным. Юридический и медицинский критерий необходимо рассматривать только в совокупности, соответственно, при наличии у лица психического расстройства и невозможности осознать фактический характер совершаемых действий либо руководить ими, оно должно быть освобождено от уголовной ответственности. В данном случае, под «иным болезненным состоянием» можно понимать любое заболевание. Не смотря на постепенное развитие категории невменяемости в дореволюционный и послереволюционный период, законодатели не смогли прийти к совершенному определению данной категории, которое бы включало в себя четкие критерии категории невменяемости.

Литература

1. Дрюон М. Яд и корона. Нагоже лилиям прясть. Л., 1981. – 446 с.
2. Козаченко И.Я., Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Понятие вины в уголовном праве (исторический и психого-правовой анализ). Екатеринбург, 1993. – 37 с.
3. Голубовский, В.Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / В. Ю. Голубовский, М.Ф. Костюк, Е.В. Кунц. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. – 736 с.
4. Спасенников, Б. А. Невменяемость в уголовном праве / Б.А. Спасенников, С.Б. Спасенников. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2013. – 256 с.
5. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года. URL: <http://www.ruscadet.ru/library/milhist/articul/comm.htm> (дата обращения 04.03.2023).
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения 04.03.2023).
7. Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения 04.03.2023).
8. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / орд. проф. Ун-та св. Владимира Л.С. Белогриц Котляревского. - Киев [и др.]: Южно-Русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. – [4], IV. – 618 с.
9. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: части общая и особенная / примеч., прилож. и дополн. Н. Неклюдова. СПб.: Изд-во Н. Неклюдова, 1865. – 754 с.
10. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения 03.03.2023).
11. Постановление НАРКОМЮСТА РСФСР ОТ 12.12.1919 Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7311.htm> (дата обращения 03.03.2023).
12. СУ РСФСР. 1922. №15. ст. 153; СУ РСФСР. 1926. № 80. ст. 600.
13. Илло Д.А. Концептуальные идеи основных начал уголовного законодательства союза ССР и союзных республик 1924 // Человек: преступление и наказание. 2009/ № 4(67). С. 44–46.

References

1. Dryuon M. Yad i korona. Nagozhe liliyam pryast'. L., 1981. – 446 s.
2. Kozachenko I.YA., Sukharev Ye.A., Gorbuza A.D. Ponyatiye viny v ugovnom prave (istoricheskiy i psikhogo-pravovoy analiz). Yekaterinburg, 1993. – 37 s.
3. Golubovskiy, V.YU. Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po napravleniyu "Yurisprudentsiya" i spetsial'nosti "Yurisprudentsiya" / V. YU. Golubovskiy, M.F. Kostyuk, Ye.V. Kunts. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Prospekt", 2020. – 736 s.
4. Spasennikov, B. A. Nevmenyayemost' v ugovnom prave / B.A. Spasennikov, S.B. Spasennikov. – Moskva: Izdatel'stvo "Yurilitinform", 2013. – 256 s.
5. Artikel voinskiy ot 26 aprelya 1715 goda. URL: <http://www.ruscadet.ru/library/milhist/articul/comm.htm> (data obrashcheniya 04.03.2023).
6. Ulozheniye o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (data obrashcheniya 04.03.2023).
7. Ustave o nakazaniyakh, nalagayemykh mirovymi sud'yami 1864 goda. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (data obrashcheniya 04.03.2023).
8. Belogrits-Kotlyarevskiy L.S. Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti / ord. prof. Un-ta sv. Vladimira L.S. Belogrits Kotlyarevskogo. – Kiyev [i dr.]: Yuzhno-Russkoye knigoizdatel'stvo F.A. Iogansona, 1903. – [4], IV. – 618 s.
9. Berner A.F. Uchebnik ugovnogo prava: chasti obshchaya i osobennaya / primech., prilozh. i dopoln. N. Neklyudova. SPb.: Izd-vo N. Neklyudova, 1865. – 754 s.
10. Novoye ugovnoye ulozheniye, vys. utv. 22 marta 1903 g. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (data obrashcheniya 03.03.2023).
11. Postanovleniye NARKOMYUSTA RSFSR OT 12.12.1919 Rukovodyashchiye nachala po ugovnomu pravu R.S.F.S.R. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss7311.htm> (data obrashcheniya 03.03.2023).
12. SU RSFSR. 1922. №15. st. 153; SU RSFSR. 1926. № 80. st. 600.
13. Illo D.A. Kontseptual'nyye idei osnovnykh nachal ugovnogo zakonodatel'stva soyuza SSR i soyuznykh respublik 1924 // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2009/ № 4(67). S. 44–46.

ГОЛУБОВСКИЙ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения

наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России). 125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. E-mail: 63wladimir@mail.ru

GOLUBOVSKIY Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Federal State Institution “Research Institute of the Federal Penitentiary Service” (FKU NII FSIN of Russia). 125130, Russia, Moscow, st. Narvskaya, 15A, building 1. E-mail: 63wladimir@mail.ru

Костюк М.Ф.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Kostyuk M.F.

FOOD SECURITY AND CRIMINAL RESPONSE

В статье исследуются проблемы продовольственной безопасности, ее уголовно-правовые и экономические основы. Отражена роль продовольствия в жизни людей, его влияние на происходящие в обществе процессы. Выделяются уголовно – правовые и экономические меры, образующие механизм обеспечения продовольственной безопасности, раскрывается их содержание.

Ключевые слова: безопасность, суверенитет, продовольствие, угрозы, принципы, содержание, метод, преступление.

The article examines the problems of food security, its criminal law and economic foundations. The role of food in people's lives, its influence on the processes taking place in society is reflected. The criminal-legal and economic measures that form the mechanism for ensuring food security are singled out, their content is revealed.

Keywords: security, sovereignty, food, threats, principles, content, method, crime.

Проблема продовольственной безопасности сопровождает человечество во все периоды его существования. Ее анализ позволяет выявить существующие при этом угрозы, учитывать возникающие риски, их последствия. Это задача межгосударственная, комплексная, требующая теоретического осмысления и практического решения, координации деятельности и усилий как мирового сообщества к свободному доступу к продовольствию, так и отдельных стран. Недостаток качественных продуктов питания грозит гибелью многих людей, проживающих на разных континентах, порождает миграцию, преступность, другие негативные явления.

Продукты питания являются основой жизнедеятельности человека, его здоровья, эволюции. Этимологически понятие «продовольствие» определяется как продукты питания; запасы продовольствия [1, с. 609]. При этом продукт понимается в нескольких значениях, как результат человеческого труда (обработки, переработки, исследования), и как следствие, результат, порождение чего-нибудь [1, с. 609]. Продовольствие является составной частью процесса его производства, хранения, транспортировки, исследова-

ния качества, обеспечивающих безопасность потребляемых продуктов. Этим определяется цена и ценность продовольствия, его качество и потребительские свойства.

Продовольственная безопасность рассматривается нами как часть экономической безопасности, основанная на прочной правовой основе, структурный ее элемент, обеспечивающие в своем единстве экономический суверенитет страны. Основная часть производимых продуктов питания приходится на сельское хозяйство, перерабатывающие его отрасли. Этому способствует развитие рынка сельскохозяйственной продукции, совершенствование правового механизма его функционирования, преодоление импортной зависимости и другие экономико-правовые меры ее обеспечения. Существенное влияние на происходящие в этой сфере процессы оказывают стихийные бедствия в виде наводнений, засухи, пожаров и т.п. Причиненный при этом ущерб, при наличии к тому оснований, компенсируется государством.

Согласно ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятель-

ности народов, проживающих на соответствующей территории. К числу природных ресурсов относятся вода, воздух, растительный и животный мир и другие составляющие этого понятия, являющиеся основой создания продуктов питания. Политика государства по обеспечению продовольственной безопасности выражается, в том числе, в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Безопасность рассматривается нами как родовое понятие, характеризующиеся состоянием защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, а продовольственная безопасность является видовым его понятием с присущим содержанием, спецификой, угрозами и механизмом ее обеспечения. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [2] устанавливает основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Однако продовольственная безопасность в этом законе не упоминается, что предполагает ее рассмотрение с учетом названных видов безопасности.

В настоящее время нет единого подхода к определению данного вида безопасности. Продовольственная безопасность нормативно определяется как такое состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни [3].

Такой подход к пониманию продовольственной безопасности в большей степени характеризует состояние социально-экономического развития страны, ее возможности в обеспечении продовольственной независимости. Однако он не отражает существующие при этом угрозы. Действительно, основой жизнедеятельности человека является качественное, полноценное питание, продовольствие, его производство. Но безопасность ассоциируется с угрозами. Не случайно в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в числе вызовов и угроз

экономической безопасности называются факторы, связанные с глобальным изменением климата, способные вызвать дефицит продовольствия и пресной воды, обострить конкуренцию за доступ к возобновляемым ресурсам [4].

Определены, таким образом, угрозы и стратегические ресурсы человечества, борьба за которые будет только обостряться. Угрозой продовольственной безопасности является, также, криминализация общественных отношений в сфере производства, распределения и потребления продуктов питания, включая коррупцию. На этот сектор экономических отношений приходится значительная доля теневой экономики, в том числе на потребительском рынке. Данный тезис имеет криминологическое обоснование. К примеру, в январе – декабре 2021 года зарегистрировано 8 085(+0,2%) преступлений, связанных с потребительским рынком, который включает рынок общественного питания, розничной торговли и бытовых услуг. При этом на 30,9% возросло производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ, зарегистрировано 89 таких преступлений [5]. Тенденция роста регистрируемых преступлений потребительском рынке отмечена и в январе – июле 2022 г. – выявлено 7018 (+0,4) преступлений [6].

Продовольственная безопасность – это состояние защищенности продовольственных ресурсов, включая пресную воду, от внешних и внутренних угроз, их рациональное использование и воспроизводство как основа жизнедеятельности человека. Принимаемые государством меры по обеспечению экономической и продовольственной безопасности оказывают положительное воздействие на их состояние. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7] определены ее национальные интересы – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. В числе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, влияющих на продовольственную безопасность, называются охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; экологическая безопасность и рациональное природопользование.

Особую сложность представляет механизм воздействия на разнородные об-

ществующие отношения, возникающие в сфере экономики при обеспечении продовольственной безопасности. С учетом этого представляется целесообразным выделить уголовно – правовые и экономические меры, образующие в своей совокупности механизм обеспечения продовольственной безопасности. Их реализуют различные субъекты экономической деятельности и иные причастные к этому лица, наделенные соответствующими компетенциями принимать правовые, управленческие решения. Основу уголовно – правовых мер такого механизма составляют правовые нормы, действующие на общественные отношения в сфере экономики, нормальное ее функционирование, содержание которых составляет удовлетворению потребностей людей в продовольствии.

Уголовно–правовые меры в механизме обеспечения продовольственной безопасности включают нормы с присущими им задачами и функциями, в том числе охранительной, регулятивной, воспитательной и предупредительной. Они взаимосвязаны между собой, отличаются логической последовательностью. Метод уголовно-правового регулирования предусматривает запрет совершения общественно опасных деяний, обязывает граждан соблюдать требования правовых норм.

В Общей части уголовного законодательства содержатся нормы, распространяющие свое влияние на все случаи применения Уголовного кодекса РФ, в том числе на значительное число совершаемых в экономической сфере преступлений, посягающих на продовольственную безопасность. В них содержится положения, определяющие преступление и наказание, их виды, особенности назначения и освобождения от уголовной ответственности и наказания и другие общие положения.

Нормы Особенной части распространяются на определенные случаи применения уголовного закона, и могут быть дифференцированы в зависимости от предмета преступного посягательства или по другим критериям. В своем единстве они представляют органическое единство – отрасль российского законодательства с присущим ему предметом, методом, задачами. Метод уголовного права, характеризующий способ воздействия на преступность – императивный, выражающийся в применении мер государственного принуждения (ч. 1 ст. 43 УК РФ).

Нормы Особенной части Уголовного

кодекса, посягающие на продовольственную безопасность, по предмету уголовно-правовой охраны в сфере экономики, целесообразно разделить на два вида: 1) общие, к которым следует классифицировать на такие подвиды, как:

а) преступления против собственности (глава 21 УК РФ) объектом посягательства которых является собственность, а предметом – продукты питания, их компоненты, средства производства и т.п.

К числу наиболее распространенных преступлений данного вида необходимо отнести кражу (ст. 158 УК РФ); мошенничество (ст. 159 – 169.5 УК РФ); присвоение и растрату (ст. 160 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ). Предметом преступного посягательства при мошенничестве являются, в том числе, выделяемые для поддержки производителей сельскохозяйственной продукции, бюджетные денежные средства. Сюда же надлежит включить кредитные денежные средства, основные и оборотные средства производства, принадлежащие производителям продуктов питания, включая технику, оборудование, сырье, продукция и т.п.

б) преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), посягающие на общественные отношения в сфере производства и реализации продукции сельского хозяйства. Распространенным является незаконное получение кредита (ст. 176 УК), где предметом преступления является кредит или льготные условия кредитования. А способом совершения, характеризующим его объективную сторону, выступает предоставление ложных сведений о хозяйственном положении или финансовом состоянии.

К числу анализируемых преступлений можно приобщить и регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК). При этом посягательство осуществляется на установленный порядок регистрации с недвижимым имуществом. Имеет место принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ). Характерной особенностью данного преступления является способ его совершения, альтернативно указанный в ч.1 ст. 179 УК РФ как угроза применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких;

в) преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного са-

моуправления (глава 30 УК РФ). К числу преступлений данного вида, характерных для совершения при производстве и реализации сельскохозяйственной продукции, составляющих основу продовольственной безопасности, следует выделить злоупотребление должностными полномочиями (ст. 185 УК РФ) и нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 185.1 УК РФ). Отдельную категорию преступлений составляют взяточничество (ст.ст. 190- 191.2 УК РФ) и служебный подлог (ст. 192 УК РФ). Их объединяет наличие специального субъекта, злоупотребляющего своими полномочиями при совершении указанных преступлений.

2) Специальные нормы, предусматривающие ответственность за преступления, посягающие на продовольственную безопасность. К их числу относятся производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ); незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.3 УК РФ); незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ); контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2 УК РФ) и др.

Они объединены, прежде всего, по предмету преступления – этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, а также товары и продукция без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

Экономические меры затрагивают, в том числе, вопросы производства продуктов питания, их качества, селекции наиболее востребованных сортов и культур, другие меры организационно-управленческого характера. Продовольственной безопасности способствует реализация принципов добросовестной конкуренции, гласности и прозрачности. Данный вопрос актуализировался на фоне оказываемого внешнеполитического и экономического санкционного давления,

их дискриминационных мер. Такие меры нацелены на создание препятствий развитию экономики, ведущим ее отраслям, затрудняют доступ к передовым технологиям, внешнеэкономической деятельности. В качестве ответных мер введен запрет либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению [8].

При этом в числе поручений Правительству Российской Федерации называется принятие мер по обеспечению сбалансированности товарных рынков и недопущению ускоренного роста цен на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию, а также оперативный мониторинг товарных рынков и контроль за их состоянием.

Только последовательное и комплексное применение уголовно – правовых и экономических мер при сочетании общесоциальных и специально-криминологических средств будет способствовать обеспечению продовольственной безопасности. К общесоциальным следует отнести совокупность социально-экономических, правовых, организационно-управленческих и иных мер, призванных совершенствовать механизм обеспечения продовольственной безопасности. Они положительно воздействуют на криминогенные факторы, чем снижают их воздействие на преступность в анализируемой сфере. Разработка таких мер должна носить комплексный характер, с учетом тенденций развития уголовного законодательства, практики его применения, и происходящих в экономике процессов. Специально-криминологические меры отражают роль личности в процессе совершения преступления, как основы для виктимологической профилактики при обеспечении продовольственной безопасности.

Литература

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Русская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1997. – 938 с.
2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ //Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, N 1, ст. 2.
3. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 N 20 //Собрание законодательства РФ, 27.01.2020, № 4, ст. 345.

4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 //Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, N 20, ст. 2902.
5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>(дата обращения: 24.02.2023).
6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - июль 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/31904956/>(дата обращения: 24.02.2023).
7. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351.
8. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (ред. от 15.11.2021, с изм. от 11.10.2022) //Собрание законодательства РФ, 11.08.2014, № 32, ст. 4470.

References

1. Ozhegov S.I. i Shvedova N.YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy/ Russkaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. – 4-ye izd., dopoln. – М.: Azbukovnik, 1997. – 938 с.
2. О безопасности: Federal'nyy zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ //Sobraniye zakonodatel'stva RF, 03.01.2011, N 1, st. 2.
3. Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 N 20 //Sobraniye zakonodatel'stva RF, 27.01.2020, № 4, st. 345.
4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 //Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, N 20, ст. 2902.
5. Sostoyaniye prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' - dekabr' 2021 goda. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>(data obrashcheniya: 24.02.2023).
6. Sostoyaniye prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' - iyul' 2022 goda. URL: <https://мвд.рф/reports/item/31904956/>(data obrashcheniya: 24.02.2023).
7. Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Sobraniye zakonodatel'stva RF, 05.07.2021, N 27 (chast' II), st. 5351.
8. О применении отдел'nykh spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 06.08.2014 № 560 (red. ot 15.11.2021, s izm. ot 11.10.2022) // Sobraniye zakonodatel'stva RF, 11.08.2014, № 32, st. 4470.

КОСТЮК Михаил Федорович, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор. 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер. 36. E-mail: kost-mf@yandex.ru

KOSTIUK Mikhail Fedorovich, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, Doctor of Law, Professor. 117997, Russia, Moscow, Stremyanny per. 36. E-mail: kost-mf@yandex.ru

Голубовский В.Ю., Кунц Е.В.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ

Golubovsky V.Yu., Kunts E.V.

LEGAL NATURE OF THE INSTITUTIONS OF AMNESTY AND PARLORY

Понятие амнистии традиционно рассматривается в нескольких значениях. Большинство ученых склоняется к тому, что это акт, который принимается Государственной Думой. Данное значение закреплено в п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации. Суть амнистии заключается в том, что она является одним из важных направлений уголовной политики общества и государства. Таким образом, амнистия является не только уголовно-правовым институтом, но и конституционно правовым институтом. В связи с этим, авторами акцентируется внимание, что амнистия как правовое явление имеет прямое конституционное происхождение. Помилование представляет собой проявление гуманизма по отношению к осужденным. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого осужденного за преступление просить о помиловании или смягчении наказания. Также стоит отметить, что амнистия не реализуется уголовно-процессуальным законодательством и осуществляется вне рамок судопроизводства. Она также затрагивает и лиц, которые осуждены и отбывают уголовное наказание.

Ключевые слова: амнистия, помилование, правовая природа, осужденный, уголовная политика, уголовно-исполнительная политика.

The concept of amnesty is traditionally considered in several meanings. Most scientists are inclined to believe that this is an act that is adopted by the State Duma. This value is enshrined in paragraph “e” part 1 of Art. 103 of the Constitution of the Russian Federation. The essence of the amnesty lies in the fact that it is one of the important areas of the criminal policy of society and the state. Thus, amnesty is not only a criminal law institution, but also a constitutional legal institution. In this regard, the authors emphasize that amnesty as a legal phenomenon has a direct constitutional origin. Pardon is a manifestation of humanism in relation to the convicted. The Constitution of the Russian Federation enshrines the right of every person convicted of a crime to ask for pardon or mitigation of punishment. It is also worth noting that the amnesty is not implemented by the criminal procedural legislation and is carried out outside the framework of legal proceedings. It also affects people who have been convicted and are serving a criminal sentence.

Keywords: amnesty, pardon, legal nature, convict, criminal policy, penitentiary policy.

Применительно к уголовной политике, в соответствии с настоящими социально-экономическими, политическими условиями, опираясь на принцип гуманизма, который в свою очередь указывает на то, что это признание человека, как личности, его прав на свободное развитие. Гуманизм отражает нравственную позицию общества, признающего ценности человека как личности, уважающего его достоинство. Следовательно, государство

должно амнистировать тех лиц, к которым нецелесообразно и не эффективно применять меры принуждения.

Одной из форм реализации уголовно-исполнительной политики является нормативно-правовая форма. Она отражает политику в уголовно исполнительном законодательстве и иных нормативно-правовых актах. Нормативно-правовая форма реализации политики в сфере исполнения уголовных наказаний охватена по-

нятием уголовно-исполнительного права [1, с. 10]. Именно согласно данным предписаниям, и раскрывается правовая природа институтов амнистии и помилования.

Имеющиеся в научной литературе различные основания классифицирования амнистии, позволяют понять цель, сущность, значения института амнистии в целом.

Анализируя сущность и значение данного института, необходимо отметить как положительные, так и отрицательные социальные последствия. К числу положительного социального последствия амнистии можно отнести сглаживание конкуренции между общественными и политическими отношениями; повышению морального авторитета власти. К числу отрицательных последствий следует отнести ослабление уголовной репрессии и государственного авторитета.

Любое государство испытывает на любой стадии своего развития необходимость обновления и поддержания правопорядка. Как правило, это связано с тем, что любое обновление сопровождалось с противоречиями, без ограничения прав, которые предназначены для укоренения в сознании народа старых начал, в защиту которых это возмездие применялось. Государство пытается разорвать связь с прошлым, что приводит к появлению места для действия новых, более высоких этических побуждений.

Необходимо отметить тот факт, что законодательного определения понятия амнистии не существует, что значительно усложняет исследование данного вопроса в полном объеме.

Среди ученых, встречаются нередко мнения, которые под амнистией понимают исправление судебных ошибок. Данное понимание не является правильным, так как такой подход, введения амнистии как уголовно-правового института, его значения и смысла, не может сделать общество демократическим и справедливым. За судебные ошибки фактически никто ответственности не несёт. И, к сожалению, они совершаются постоянно.

В рамках «Ковалевских чтений» состоялась панельная дискуссия «Судебные ошибки и их источники: законодатель, стороны или сами судьи?» на которой участники дискуссии высказали разные точки зрения на причины возникновения ошибочных судебных решений. По мнению одних, это является следствием слишком частой корректировки законодательства, другие указывают на человеческий фактор, третьи акцентируют вни-

мание на несовершенстве судебного процесса и судебной системы как таковых [2].

Человек, приговорённый несправедливо и освобождённый по амнистии, не может быть полностью удовлетворен. Если приговор не справедлив, то должен быть запущен механизм реабилитации, который в свою очередь предполагает отмену с выплатой соответствующей компенсации и отменой всех ограничений. Однако в большинстве случаев ничего этого не происходит. Освобождая по амнистии одного невиновно осужденного, параллельно с ним под амнистию попадают те, кто осужден правильно, за содеянное. Данный факт ставит под угрозу общество, которое порой бывает не готово к массовым освобождениям. Это значительно ослабляет авторитет судебных органов, значение данного института оказывает негативное влияние на общество, тем самым может возрасти преступность. Отсюда следует, что институт амнистии неэффективно функционирует и осуществляет свою дельность. Ведь регулярные амнистии делают реальное наказание еще более кратким, тем самым осужденные понимают, что снисхождение государства всегда можно ждать. Немало важный факт, когда амнистия в Российской Федерации приурочивается к определенным датам, например, празднование Победы в Великой Отечественной Войне. Амнистированы в данном случае, могут быть все осужденные, или же лица, знающие толк в совершении преступления, вплоть до тех моментов, когда, где и во сколько, по их мнению, возможно, совершить преступления, чтобы последствия оказались приемлемыми, для них. И празднование круглой или важной даты, также учитывается криминальным миром. Как бы грустно не было осознавать, но такая амнистия запускает механизм роста реальной преступности. Цель ее имеет негативный характер [3, с. 9].

Конституционный Суд РФ в Определении от 25 сентября 2014 г. № 2211-О [4] расценивает объявление амнистии как акт милости применительно к определенным категориям лиц, подлежащих уголовной ответственности и наказанию, исходя, прежде всего, из социальной обусловленности такой гуманистической акции в демократическом правовом государстве (абз. 2 п. 2).

Таким образом, амнистия — это способ проявления гуманизма к человеку. Амнистия — высшая мера, принимаемая по решению органа государственной власти к лицам, совершившим преступление.

Помилование по своему характеру считается милостью по отношению к осужденному. Известное всем нам словосочетание «казнить нельзя, помиловать» каждый для себя может трактовать по-разному, но многие склоны к тому, что данный вопрос необходимо решать мирным путём, то есть миловать [5, с. 226].

В Российской Федерации помилование представляет собой решение Президента, который улучшает правовое положение лица, совершившего преступление. Президент Российской Федерации даёт шанс осужденному на самостоятельное исправление, тем самым освобождает от дальнейшего отбывания наказания или путём сокращения назначенного наказания, или заменой его более мягким видом наказания.

Невозможно говорить о сущности и значении института помилования, не определив само понятие «помилование». На законодательном уровне, в отличие от амнистии, дефиниций существует. Помилование, это верховный акт главы государства, полностью или частично освобождающий осужденного от наказания либо заменяющий назначенное ему судом наказание более мягким. Данное понятие является обобщённым и закреплено в различных словарях. Институт помилования имеет древнее происхождение. Несмотря на это, остается актуальным вопрос о сущности, правовой природе, роли и назначении института помилования.

Этимологическое понятие помилования выражается в прощении, это означает, что наказание не будет применено за вину, проступок. Рассмотрение и изучение института помилования невозможно без предварительного определения его правовой природы. Так как изучение правовой природы любого института имеет основополагающее значение, без которого невозможно успешно решить более частные проблемы, возникающие с функционированием института.

Наряду с проблемой определения понятия «помилования», также имеет свое место проблема выяснения правовой природы. Ученые дореволюционного периода считали, что помилование — это институт уголовного права [6, с. 33]. К примеру, Н.Д. Сергеевский говорил о двойственности института помилования, то есть он имел в виду, что данный институт принадлежит к государственному и уголовному праву. Своё высказывание Н.Д. Сергеевский обосновывал тем, что помилование входит в область науки государственного права, но также является

предметом науки уголовного права [7, с. 20]. Такого же мнения придерживается Н.А. Стручков: «при применении института помилования возникают общественные отношения, регулируемые нормами исправительно-трудового и уголовно-процессуального права» [7, с. 28].

Полагаем, что помилование является комплексным правовым институтом, который содержит в себе нормы уголовного, государственного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового права.

Институт помилования представляет собой в государственном праве социально-правовое назначение, а также является показателем федерализма российского государства. На основании конституционной нормы, а именно п. «о» ст. 71, помилование является исключительной компетенцией Российской Федерации.

Институт помилования имеет непосредственное отношение к определению правового положения человека и гражданина. Осужденный имеет право просить о пересмотре приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, или право просить о помиловании или смягчении наказания. Представленное право закреплено в ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Но прежде чем просить о помиловании, осужденный должен самостоятельно признать свою вину, то есть осознать и понять всю степень совершенного им противоправного деяния, уже потом просить о помиловании.

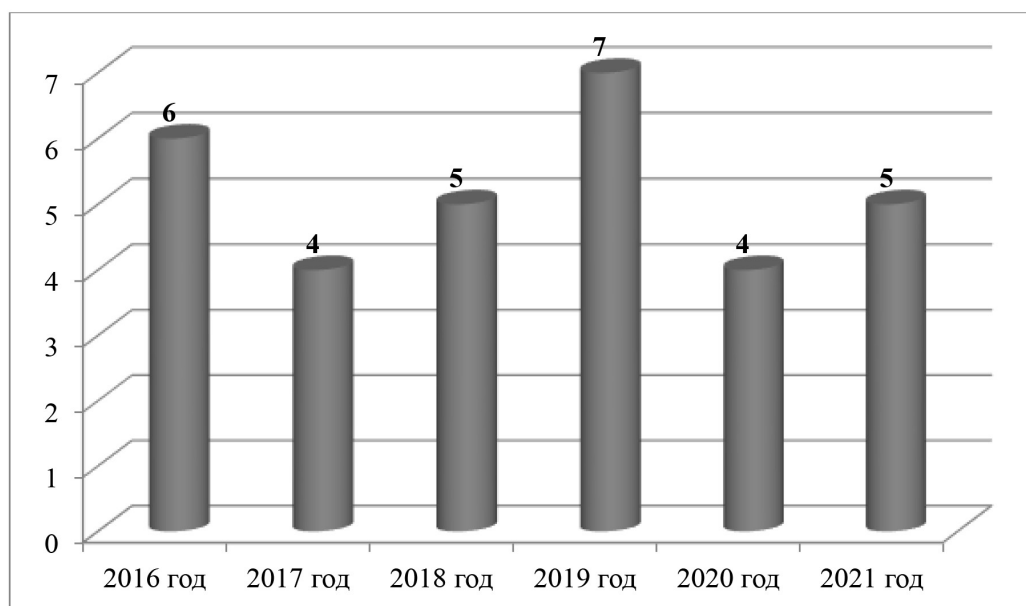
Анализ количества помилованных осужденных за период 2016-2021 годы, указывает на стабильную тенденцию, что подтверждает сбалансированность уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики (табл. 1).

Право осуждённого просить о помиловании представляет собой самостоятельную социально-правовую ценность, что является наиболее важным и значимым. Право просить о помиловании является самостоятельным материальным правом. Мнение ученых по данному вопросу разделяется. К примеру, Е.А. Лукьянова считает, что обращение с просьбой о помиловании не имеет никакого отношения ни к праву, ни к Конституции, ни к правам человека [8, с. 41-42].

Для того чтобы институт помилования в Российской Федерации функционировал эффективно, необходимо чтобы осужденные осознавали, что совершили противоправное деяние, которое повлекло значительный ущерб, чтобы раскаива-

«Количество помилованных осужденных за 2016 – 2021 гг.»

лись в содеянном, признавали свою вину. Ведь признание вины и раскаяние является фундаментом для помилования [9, с. 480].

Следовательно, помилование, это неприменение, прекращение и устранение негативных последствий для обвиняемого или осужденного.

Таким образом, проведя анализ правовая природа институтов амнистии и помилования, установлено что амнистия, это акт милосердия и гуманизма, основанный на конституционных ценностях, направленный на освобождение от нака-

зания, или его смягчение и обеспечивающий общественную безопасность прав и интересов граждан.

Помилование представляет собой межотраслевой правовой институт, выражающий акт милосердия и прощения со стороны государства, применяемый в отношении осужденного, при наличии обоснованных оснований в несвершении осужденным нового преступления, применяемый с учетом личности осужденного, с учетом его состояния здоровья, иных обстоятельств, заслуживающих внимания.

Литература

1. Уголовно-исполнительное право: Учебник / В.Ю. Голубовский, С.И. Захарцев, М.Ф. Костюк, Е.В. Кунц. – Москва: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2022. – 272 с.
2. Ученые и практики выясняли, как возникают судебные ошибки. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-i-praktiki-vyyasnyali-kak-voznikayut-sudebnye-oshibki/> (дата обращения: 28.20.2023).
3. Кукушкина О.Ю., Курганов С.И. Амнистии в РФ. Сравнительно-правовой анализ // Закон и право. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003, № 9. – С. 9–12.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 г. № 2211-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 26.
5. Южиков А.А., Тажгенов М.Р. Амнистия и помилование в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2021. – № 13(355). – С. 226–229.
6. Гришко А.Я. Амнистия. Помилование. Судимость: монография [Электронный ресурс] / Гришко, А.Я., Потапов, А.М., 2009. – 272 с.
7. Саженов Ю.В., Селиверстов В.И. Правовые проблемы помилования в России [Электронный ресурс]: учебное пособие / Саженов Ю.В., Селиверстов В.И. – 2-е изд., доп. – Москва: Юриспруденция, 2008. – 168 с.
8. Лукьянова Е.А. Казнить нельзя помиловать Конституционные тезки - два разных права с одним именем // Юрист. – 2011. – № 8. – С. 41–47.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право / Таганцев Н.С. Т 2., 2001. – 688 с.

References

1. Uголовно-исполнитель'noye pravo: Uchebnyk / V.YU. Golubovskiy, S.I. Zakhartsev, M.F. Kostyuk, Ye.V. Kunts. – Moskva: Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2022. – 272 s.
2. Uchenyye i praktiki vyyasnyali, kak voznikayut sudebnyye oshibki. URL: [https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-i-praktiki-vyyasnyali-kak-voznikayut-sudebnye-oshibki/\(data obrashcheniya: 28.20.2023\)](https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-i-praktiki-vyyasnyali-kak-voznikayut-sudebnye-oshibki/(data-obrashcheniya:28.20.2023)).
3. Kukushkina O.YU., Kurganov S.I. Amnistii v RF. Sravnitel'no-pravovoy analiz // Zakon i pravo. – M.: YUNITI-DANA, 2003, № 9. – S. 9–12.
4. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25 sentyabrya 2014 g. № 2211-O // Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. – 2014. – № 26.
5. Yuzhikov A.A., Tazhgenov M.R. Amnistiya i pomilovaniye v Rossiyskoy Federatsii // Molodoy uchenyy. – 2021. – № 13(355). – S. 226–229.
6. Grishko A.YA. Amnistiya. Pomilovaniye. Sudimost': monografiya [Elektronnyy resurs] / Grishko, A.YA., Potapov, A.M., 2009. – 272 s.
7. Sazhenkov YU.V., Seliverstov V.I. Pravovyye problemy pomilovaniya v Rossii [Elektronnyy resurs]: uchebnoye posobiye / Sazhenkov YU.V., Seliverstov V. I. – 2-ye izd., dop. – Moskva: Yurisprudentsiya, 2008. – 168 s.
8. Luk'yanova Ye.A. Kaznit' nel'zya pomilovat' Konstitutsionnyye tezki - dva raznykh prava s odnim imenem // Yurist. – 2011. – № 8. – S. 41–47.
9. Tagantsev N.S. Russkoye uголовnoye pravo / Tagantsev N.S. T 2., 2001. – 688 c.

ГОЛУБОВСКИЙ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России). 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. 125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. E-mail: 63wladimir@mail.ru

КУНЦ Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России). 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. E-mail: 73kuntc@mail.ru

GOLUBOVSKIY Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Federal State Institution “Research Institute of the Federal Penitentiary Service” (FKU NII FSIN of Russia). 125130, Russia, Moscow, st. Narvskaya, 15A, building 1. E-mail: 63wladimir@mail.ru

KUNTS Elena Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Federal State Institution “Research Institute of the Federal Penitentiary Service” (FKU NII FSIN of Russia). 125130, Russia, Moscow, st. Narva, 15A, p. 1. E-mail: 73kuntc@mail.ru

Петухов Е.Н.

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Petukhov E.N.

MEANS OF ENSURING THE PROPER PERFORMANCE OF DUTIES BY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHO HAVE LIMITED OPPORTUNITIES

В статье рассматриваются обязанности участников уголовного судопроизводства, имеющих индивидуальные особенности или ограниченные возможности. Определяется их перечень. Раскрывается сущность индивидуальных особенностей и ограниченных возможностей лиц, вовлекаемых властными субъектами в уголовное судопроизводство. Устанавливается влияние присущих этим участникам названных признаков на возможность и степень исполняемости данными субъектами возложенных на них законодателем обязанностей в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются средства обеспечения надлежащего исполнения указанных уголовно-процессуальных обязанностей. Определяется их эффективность и достаточность. Формулируются предложения о совершенствовании обеспечительных средств надлежащего исполнения обязанностей рассматриваемыми участниками уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, обязанности, средства обеспечения, участники, ограниченные возможности.

The article discusses the responsibilities of participants in criminal proceedings who have individual characteristics or limited capabilities. Their list is determined. The essence of the individual characteristics and limited capabilities of persons involved by the authorities in criminal proceedings is revealed. The influence of the mentioned features inherent in these participants on the possibility and degree of fulfillment by these subjects of the duties assigned to them by the legislator in criminal proceedings is established. The means of ensuring the proper execution of these criminal procedural duties are considered. Their effectiveness and sufficiency are determined. Proposals are formulated to improve the security measures for the proper performance of duties by the participants in criminal proceedings under consideration.

Keywords: criminal proceedings, duties, means of support, participants, limited opportunities.

В ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности властные субъекты достаточно широко используют общественность. При этом лица, являющиеся представителями гражданского общества выступают по уголовным делам в самых разнообразных качествах: понятых, статистов, присяжных заседателей, свидетелей и т.д. Характеристика сущности и реализации закрепленных в

положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) процессуальных статусов названных субъектов, приводит к обоснованному выводу о том, что законодатель им предоставил достаточное количество прав и в основном постарался обеспечить их безопасность закрепленными в законодательстве мерами, однако, при этом не уделил достаточного внимания

средствам обеспечения надлежащего исполнения возложенных на них обязанностей. В связи с чем необходимо развитие обеспечительных средств, так как имеется потребность в совершенствовании процедуры уголовно-процессуального воздействия на этих субъектов с целью их убеждения или принуждения к правомерному поведению, определенному в предписаниях (обязанностях) законодателя.

В настоящем исследовании остановимся на обозначенных субъектах, у которых имеются индивидуальные особенности или ограниченные возможности. Отсюда, в процессе разработки искомого обеспечительных средств, нами будут учитываться указанные признаки всех рассматриваемых участников уголовного судопроизводства, а особенно свидетелей, как наиболее часто вовлекаемых в уголовные дела лиц¹. Исходя из сущности присущих названным лицам их индивидуальных особенностей необходимо властных субъектов «вооружить» такими правовыми средствами-инструментами, использование которых бы им позволило создавать необходимые условия этим участникам, в которых у них бы была реальная возможность исполнять надлежащим образом возложенные на них законодателем обязанности. Полагаем, что нет необходимости кого-то убеждать в том, что когда человеку, участвующему в производстве процессуальных действий по уголовному делу в качестве приглашенного лица, а зачастую вызванного против его воли, создали комфортную среду, исключая факторы незащищенности (страха), униженности, безысходности, в которой он чувствует себя в безопасности, значимым и полезным для общества, видит со стороны властных субъектов конструктивность в отношениях и даже доброжелательность, то соответственно бес сомнения можно предположить, что его поведение будет отвечать запросам, установленным в законодательстве в виде предписаний (обязанностей).

В качестве индивидуальных особенностей рассматриваемых участников уголовного процесса, на которые как справедливо в своих исследованиях указывают многие ученые-юристы выступают:

¹ В данном случае имеются в виду лица с ограниченными возможностями здоровья – это люди, имеющие ограничения в физическом и (или) психическом развитии, то есть глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжёлыми нарушениями речи, нарушениями опорно-двигательного аппарата и другие, в том числе дети-инвалиды.

несовершеннолетний возраст [2], престарелый возраст [8], беременное состояние женщины [1], физическое и психическое заболевание [7], не владение языком (русским), на котором осуществляется уголовное судопроизводство [3] и т.д.

Например, в России, согласно официальным данным государственной службы статистики, которые в своем исследовании приводит Курбатова С.М., на людей старше 65 лет уже приходится почти четверть населения (по состоянию на 1 января 2023 года количество пенсионеров на учете в Социальном фонде России составило 41,78 млн человек, без учета военных пенсионеров – уточненная информация Е.П.), а к 2060 г., по предварительным расчетам, их доля вырастет до 47% [7, с. 65]. Такое количество престарелых людей, безусловно, свидетельствует о достаточно большой вовлеченности лиц старшего возраста, имеющих проблемы когнитивного характера в сферу уголовного судопроизводства. Участие в уголовном процессе лиц, не владеющих русским языком, тоже исчисляется достаточно большим количеством. Это утверждение можно, например, сделать из результатов переписи населения 2021 г., которые свидетельствуют о том, что Россия является одной из самых многонациональных стран мира – на ее территории проживают представители свыше 200 национальностей. Из проживающих 147,190 миллионов в России человек, как установлено результатами указанной переписи – русским языком владеют 128,375 миллионов. Это значит, что почти 19 миллионов человек проживающих на территории России – русским языком не владеют².

О достаточно большом количестве несовершеннолетних, которые ежегодно вовлечены в сферу уголовного судопроизводства, только по линии одного следственного ведомства, говорят цифры, озвученные Председателем Следственного комитета РФ Бастрыкиным А.И. на коллегии, проведенной по результатам работы 2021 года возглавляемого им ведомства. В частности, были озвучены данные о подростковой преступности – в 2021 году расследовано 14072 преступления, совершенных несовершеннолетними. Кроме того, было расследовано почти 23 тысячи преступных посягательств, совершенных в 2021 году против несовершеннолетних, а также 518 деяний, совершен-

² Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийская_перепись_населения_\(2020-2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийская_перепись_населения_(2020-2021)).

ных в отношении несовершеннолетних в прошлые годы³.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что многие из названных индивидуальных особенностей участников уголовного судопроизводства, законодатель увидел, учел в законотворческом процессе и обеспечил носителей таких особенностей дополнительными правовыми гарантиями, закрепив их в уголовно-процессуальном законодательстве.

Результаты изучения правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в основном указанные правовые средства, выступающие как гарантии обеспечивают возможность таким участникам эффективно реализовать предоставленные им права и должным образом исполнять возложенные на них обязанности.

В частности, в ходе осуществления уголовного судопроизводства применяется в отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей институт сокращенного срока производства с ними следственных действий (ст. 191 УПК РФ). Применяется в отношении указанных участников институт переводчика (п. 3 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) профессионального законного представительства их прав и законных интересов (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Существуют и применяются другие процессуальные институты, обеспечивающие их правомерное поведение в уголовном судопроизводстве и не допускающие со стороны властных субъектов противозаконные действия и решения в отношении таких участников. Многочисленные подтверждения эффективности применения (конечно и проблем применения) названных правообеспечительных уголовно-процессуальных ресурсов в отношении участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями или имеющих индивидуальные особенности, мы находим в ходе изучения теоретических источников [6], при изучении документов, в которых отражаются следы применения положений уголовно-процессуального права, регламентирующих указанные правовые явления, а также в отчетах, докладах руководителей органов расследования, прокурорского надзора и судебной власти о результатах их правоприменительной деятельности в

³ Доклад Председателя Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкина А.И. на коллегии СК РФ по итогам работы следственных органов СК России в 2021 году. – [Электронный ресурс]: – Режим доступа. – URL: <http://sledcom.ru/news/item/1661498/> (дата обращения: 25.02.2023).

сфере уголовного судопроизводства и в наглядно отражающих в себе эти результаты опубликованных статических данных.

Однако существующих обеспечительных средств, как показывают результаты изучения нами 937 материалов уголовных дел, недостаточно для создания благоприятствующих условий надлежащего исполнения обязанностей рассматриваемыми субъектами. Поэтому предлагаем допустить в круг участников производства процессуальных действий, осуществляемых с участием свидетелей, иных субъектов с ограниченными возможностями или иными индивидуальными особенностями, представляющими общественность в уголовном процессе, лиц, которые осуществляют их сопровождение на основании заявленного ими ходатайства, так как данная категория участников нуждается в такой доверительной помощи со стороны близких их лиц.

Присутствие сопровождающих лиц при производстве процессуальных действий позволит создать нуждающимся в них субъектам (лицам старшего возраста с нарушениями когнитивного развития, лицам с ограниченным состоянием физического здоровья, беременным женщинам и т.п.) условия, в которых они будут чувствовать себя уверенно, комфортно и спокойно. Считаем, что в качестве сопровождающих лиц могут выступать близкие родственники, родственники или другие близкие лица этим нуждающимся субъектам, которым они доверяют, видят в них свою надежную опору и защиту. Например, состояние беременной женщины в праве определяется как беспомощность этой женщины. Кто будет оспаривать то, что в таком состоянии женщина нуждается в близком человеке-защитнике, нахождение которого рядом для нее является потребностью? Обосновывается это тем, что: «Согласно медицинским критериям беременность для женщины – нормальный физиологический процесс. Однако ожидание рождения ребенка ставит перед женщиной множество вопросов и самый главный из них – как пройти этот этап жизни с максимальной безопасностью и положительным эмоциональным настроем. В период беременности организм женщины становится более ранимым и чувствительным. Беременность сопровождается огромными физическими и эмоциональными изменениями в организме будущей матери» [9]. «Суть физических и эмоциональных изменений в организме будущей матери выражается в значительном увеличении массы тела, особенно с

увеличением сроков беременности. Это приводит к уменьшению подвижности, снижению реакции и возможности женщины, например, оказать сопротивление или осуществить какие-либо другие действия, способствующие ее самосохранению и сохранению ребенка. Даже при нормально протекающей беременности значительно повышаются требования к работе сердца и сосудов. Эти изменения характеризуются повышением кровяного давления, учащением пульса и физиологическим увеличением размеров сердца. Целый ряд изменений отмечается у беременных со стороны нервной системы. За счет изменения соотношения корковых и подкорковых процессов беременная женщина становится более возбудимой и раздражительной, что приводит к более эмоциональной реакции на окружающую ее обстановку. Для нормального течения беременности большое значение имеют уравновешенное, спокойное состояние нервной системы, положительные эмоции» [4]. Поэтому нервное потрясение (стресса) она должна избежать в период беременности, а участие в процессуальных действиях – это и есть потрясение для беременной женщины, которое и должен помочь преодолеть сопровождающий ее близкий человек.

Участие таких сопровождающих лиц будет способствовать и властному субъекту для выстраивания им правильной модели проведения процессуального действия на основе психологических факторов и особенностей лиц рассматриваемой категории, а последним присутствие рядом с ними надежных людей, которым они доверяют поможет преодолеть свою ответственную им как верно отмечается многими учеными-исследователями - недоверчивость, подозрительность, раздражительность и боязливость [7] при исполнении возложенных на них законодателем

обязанностей в уголовном судопроизводстве.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов такое обстоятельство, когда такие сопровождающие лица могут оказывать на субъекта с ограниченными возможностями или с другими индивидуальными особенностями негативное влияние. Когда сопровождающее лицо может оказаться сам антиобщественной личностью и как следствие его присутствие не способствует нормальному ходу процессуального действия и надлежащему исполнению обязанности сопровождаемым им лицом, а наоборот может даже препятствовать этому. В данных случаях, как это установлено законодателем в ситуации негативного влияния законного представителя на потерпевшего, властному субъекту предоставить право удаления такого лица с обязанностью его замены другим по ходатайству субъекта, нуждающегося в помощи надежного для него человека.

Кроме того, следует рекомендовать властному субъекту, производящему процессуальное действие, учитывать физическое и психическое состояние участвующего в данном действии лица, имеющего индивидуальные особенности или он является лицом с ограниченными возможностями для определения продолжительности этого действия. В случае, когда визуально устанавливается усталость, утомляемость, наблюдается ухудшение физического состояния такого лица (свидетеля, иного представителя общности), замечается его угнетенность, так как ему трудно долго находиться в одном месте, трудно сидеть, трудно долго находится без лекарств, властный субъект должен принять решение сократить установленный законом срок производства процессуального действия (ст. 187 УПК РФ и ч. 1 ст. 191 УПК РФ) или вообще завершить это действие.

Литература

1. Анишина Ю.А. Является ли беременность обстоятельством, определяющим беспомощное состояние женщины – жертвы преступления? // Вестник Московского университета МВД России, 2011. № 2. С. 75–78.
2. Бертовский Л.В., Билян В.Н. Технология получения уголовно-релевантной информации от малолетних и несовершеннолетних // Бизнес. Образование. Право, 2016. № 2 (35). С. 174–179.
3. Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журнал российского права, 2014. № 10. С. 88–96.
4. Золотухин В.З. Настольная книга молодых родителей: [Сборник / Сост. В.З. Золотухин; Вступ. ст. И. Н. Усова]. Минск: Вышэйш. шк., 1990. С. 20–25.
5. Курбатова С.М. Особенности процессуального статуса лиц старших возрастных групп на досудебных стадиях производства по уголовным делам // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (18–19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 2 / Национальный исследовательский университет «Московский институт электрон-

- ной техники»; Сибирский юридический институт МВД России; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2021. С. 64–68.
6. Курбатова С.М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики: монография. Красноярск: КГАУ, 2021. 168 с. и др.
7. Мамаева Р.О. Психологические основы и процессуальные особенности допроса лиц, имеющих физические недостатки // Вестник удмуртского университета, 2017. Т 27. Вып. 3. С. 134–137.
8. Петухов Е.Н. Престарелый возраст подозреваемого как основание злоупотребления правом органом дознания и прокурором по уголовному делу // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (18–19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 2 / Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Сибирский юридический институт МВД России; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2021. С. 93–99.
9. Рублев С.Я. Скоро стану мамой. Ростов н/Д, 2008. С. 7–8.

References

1. Anishina YU.A. Yavlyayetsya li beremennost' obstoyatel'stvom, oprede-lyayushchim bespomoshchnoye sostoyaniye zhenshchiny – zherty prestupleniya? // Vest-nik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2011. № 2. S. 75–78.
2. Bertovskiy L.V., Bilyan V.N. Tekhnologiya polucheniya ugovlovno-relevantnoy informatsii ot maloletnikh i nesovershennoletnikh // Biznes. Obrazovaniye. Pravo, 2016. № 2 (35). S. 174–179.
3. Vil'kova T.YU. Printsip yazyka ugovlnogo sudoproizvodstva: soderezhaniye i garantii // Zhurnal rossiyskogo prava, 2014. № 10. S. 88–96.
4. Zolotukhin V.Z. Nastol'naya kniga molodykh roditel'ey: [Sbornik / Sost. V.Z. Zolotukhin; Vstup. st. I. N. Usova]. Minsk: Vysheysh. shk., 1990. S. 20–25.
5. Kurbatova S.M. Osobennosti protsessual'nogo statusa lits starshikh voznrastnykh grupp na dosudebnykh stadiyakh proizvodstva po ugovlnym delam // Obespecheniye prav uchastnikov ugovlnogo sudoproizvodstva s ogranichen-nymi vozmozhnostyami: kompensatornyy podkhod: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18–19 iyunya 2021 goda, g. Krasnoyarsk). Chast' 2 / Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Moskovskiy insti-tut elektronnoy tekhniki»; Sibirskiy yuridicheskii institut MVD Rossii; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. Krasnoyarsk, 2021. S. 64–68.
6. Kurbatova S.M. Teoreticheskiye osnovy ugovlovno-protsessual'nogo statusa lits s ogranichennymi vozmozhnostyami: problemy teorii i praktiki: monografiya. Krasnoyarsk: KGAU, 2021. 168 s. i dr.
7. Mamayeva R.O. Psikhologicheskkiye osnovy i protsessual'nyye osobenno-sti doprosa lits, imeyushchikh fizicheskkiye nedostatki // Vestnik udmurtskogo universiteta, 2017. T 27. Vyp. 3. S. 134–137.
8. Petukhov Ye.N. Prestarelyy voznrast podozrevayemogo kak osnovaniye zloupotrebleniya pravom organom doznaniya i prokurorom po ugovlnomu delu // Obespecheniye prav uchastnikov ugovlnogo sudoproizvodstva s ogra-nichennymi vozmozhnostyami: kompensatornyy podkhod: materialy Mezhduna-rodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18–19 iyunya 2021 goda, g. Kras-noyarsk). Chast' 2 / Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Moskov-skiy institut elektronnoy tekhniki»; Sibirskiy yuridicheskii institut MVD Rossii; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. Kras-noyarsk, 2021. S. 93–99.
9. Rublev S.YA. Skoro stanu mamoy. Rostov n/D, 2008. S. 7–8.

ПЕТУХОВ Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Алтайский государственный университет. Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61. E-mail: petuchove@mail.ru

PETUKHOV Evgeny Nikolaevich, Candidate of Sciences (Law), associate professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Altai State University. Russia, 656049, Barnaul, ave. Lenin, 61. E-mail: petuchove@mail.ru

Кунц Е.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Kunts E.V.

SOME ASPECTS OF LIMITING THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY FROM RELATED CRIMES

Несмотря на возросший в последнее десятилетие интерес юридической науки к вопросам анализа криминальной ситуации в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следует отметить недостаточный их уголовно-правовой и криминологический анализ. Общественно опасные деяния, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, не учитывают специфику совершения рассматриваемого преступления в новых условиях с учетом реформирования пенитенциарной системы. Данная проблема остается не до конца изученной с учетом действующих мероприятий обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях. В связи с этим, в настоящей научной статье проводится анализ теоретических и практических аспектов отграничения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества от смежных составов преступлений, по итогам которого формулируются выводы.

Ключевые слова: арест, дезорганизация, деятельность учреждений, изоляция, массовые беспорядки, побег из места лишения свободы, стража.

Despite the increased interest of legal science in the last decade to the analysis of the criminal situation in the institutions of the penitentiary system, it should be noted that their criminal law and criminological analysis is insufficient. Socially dangerous acts that encroach on public order and public security do not take into account the specifics of the commission of the crime in question in the new conditions, taking into account the reform of the penitentiary system. This problem remains not fully understood, taking into account the existing measures to ensure law and order in correctional institutions. In this regard, this scientific article analyzes the theoretical and practical aspects of delimiting the disorganization of the activities of institutions that ensure isolation from society from related offenses, based on which conclusions are formulated.

Keywords: arrest, disorganization, activities of institutions, isolation, riots, escape from a place of confinement, guards.

На становление, формирование и развитие правовой системы современного Российского государства, всех отраслей законодательства существенное влияние оказывает уголовная политика государства, которая отражает принципы, стратегию, основные направления и формы достижения, определенных социально

полезных целей. Особое место при формировании основных направлений уголовно-исполнительной политики занимает уголовная политика [1, с. 9]. Неотъемлемой составляющей государственной политики является политика в сфере противодействия преступлениям [2, с. 465].

Только за 2021 год по ст. 321 Уголовно-

го кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (Дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) было выявлено 385 лиц, совершивших преступление [3].

Официальные статистические данные ФСИН России свидетельствуют о том, что каждый год в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) совершается более тысячи преступных посягательств. Данная категория преступлений порождает особое беспокойство со стороны правоприменительных и правоохранительных органов, поскольку рассматриваемые деяния зачастую сопряжены с действиями насильственного характера, что негативно отражается на безопасности учреждений УИС.

На территории учреждений УИС, осужденные могут совершать не только дезорганизационные действия, но и иные преступления, например, побег, массовые беспорядки, причинение вреда здоровью, что делает необходимым проведение отграничения рассматриваемого состава преступления от смежных составов.

Особую сложность при квалификации вызывают действия, которые сопряжены с применением насилия и влекущие причинение вреда или смерть потерпевшего. Необходимо установить, идет речь о квалификации по совокупности преступлений либо имеет место конкуренция норм уголовного права.

Приговором Калининского районного суда г. Челябинска А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 (два) года 6 (шесть) месяцев. А. применил насилие, не опасное для жизни или здоровья в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением им служебной деятельности, дезорганизовав деятельность учреждения ФКУ ИК-8 ГУФСИН России по Челябинской области. Противопоставляя себя правилам внутреннего распорядка для осужденных, умышленно, целенаправленно применил сотруднику ИУ насилие, не опасное для жизни или здоровья, нанеся ему не менее 1 удара рукой в левую переднюю поверхность грудной клетки, причинив ему физическую боль, и сорвав видеорегистратор, находившийся у А. на грудном левом кармане форменной одежды [4].

Квалификацией по ч.3 ст. 321 УК РФ охватываются все случаи причинению вреда здоровью любой степени тяжести (ст. 111, 112, 115, 117 УК РФ). Однако при-

чинение тяжкого вреда здоровью, которое повлекло за собой причинение смерти по неосторожности, не охватывается составом исследуемого преступления и нуждается в дополнительной квалификации по ч.4 ст. 111 УК РФ. Таким образом, как указывает В.С. Никитин, «если результат преступных действий осужденного – это причинение по неосторожности смерти сотрудника пенитенциарного учреждения, то в данном случае уголовная ответственность будет наступать по совокупности преступлений ч.3 ст. 321 УК РФ и ч.4 ст. 111 УК РФ» [5, с. 19].

Таким же образом, то есть по совокупности преступлений, необходимо производить юридическую оценку убийства сотрудника (равно как и его близких, осужденного), если имеет место мотив либо цель, обозначенные в ч.1 или в ч.2 ст. 321 УК РФ. Убийство потерпевшего не охватывается составом ст. 321 УК РФ и требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 105 УК РФ. Данное разъяснение получило выражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999г. [6].

Современная правоприменительная практика подтверждает, что в учреждениях УИС совершаются и массовые беспорядки, предусмотренные ст. 212 УК РФ. Проблема противодействия массовым беспорядкам в учреждениях УИС недостаточно изучена. Это объясняется тем, что в советский период развития уголовного законодательства данная проблема не получала достаточной правовой оценки в силу политики государства. Происходившие отдельные вспышки массовых беспорядков в учреждениях (УИС) не предавались широкой огласке. Также не в полной мере были рассмотрены вопросы использования различных уголовно-правовых средств предупреждения массовых беспорядков, совершаемых осужденными в учреждениях УИС, чем и объясняется недостаточность правоприменительной практики.

Сложность в отграничении рассматриваемых составов преступлений заключается в том, что они совершаются в одно и то же время. Кроме того, и дезорганизационные действия, и совершение массовых беспорядков посягают на режим правопорядка и законности, установленный в учреждениях УИС. В первую очередь, следует учесть, что точное определение объекта преступления поможет произвести его квалификацию в соответствии с уголовным законодательством. Применительно к массовым беспорядкам в качестве объекта выступает общественная

безопасность, которая представляет собой уровень защищенности государства, общества и граждан от всех внутренних угроз. Установленный режим пенитенциарных учреждений является непосредственным объектом дезорганизационных действий.

Статья 212 УК РФ содержит указание на массовые беспорядки в качестве деяний противоправного характера, которые могут совершаться в различных формах, например, посредством применения насильственных действий, совершения разгромов, поджогов. Статья 212 УК РФ включает в себя несколько частей, которые отражают различные варианты преступного поведения: организация массовых беспорядков, склонение, вербовка либо иные варианты вовлечения в совершение данного преступления, участие в беспорядках, призывы к осуществлению беспорядков и насильственных действий, а также прохождение обучения в целях реализации массовых беспорядков.

При анализе диспозиции ч.1 ст. 212 УК РФ, то можно обнаружить, что законодатель устанавливает достаточной большой перечень преступных действий виновных лиц. Нацеленность этих действий выражается в совершении погромов и поджогов, применении насильственных действий путем использования оружия и взрывчатки, оказания вооруженного сопротивления представителям государственной власти [7, с. 23]. Таким образом, объективная сторона преступного деяния, предусмотренного ст. 212 УК РФ, представлена несколькими действиями, которые не зависят друг от друга, - организация массовых беспорядков, принятие участия в данном действии, использование насильственных действий применительно к потерпевшим, публичное неподчинение требованиям представителей государственной власти, а также оказание им сопротивления. Данное преступление также может получать выражение в подстрекательстве и организованном руководстве незаконными действиями конкретной группы субъектов. Также на практике зачастую имеют место быть случаи, когда преступники предъявляют определенные требования материального характера к представителям публичной власти. Совершение массовых беспорядков также может быть связано с обучением лиц в целях их последующего вовлечения в реализацию данного преступления.

Объективные стороны рассматриваемых составов преступлений выражаются в активном применении действий насильственного характера, причем в результа-

те этих действий причиняется вред различной степени тяжести. В обоих случаях потерпевшими является неограниченный круг субъектов (осужденные, сотрудники учреждений УИС).

Причина совершений массовых беспорядков осужденными гражданами обусловлена конкретными мотивами. Чаще всего заключенные организуют массовые беспорядки по той причине, что их не устраивают условия, которые предлагаются в местах изоляции от общества. Более того, определенные действия сотрудников пенитенциарных учреждений также могут спровоцировать осужденного на данное преступление. Наконец, нельзя исключать и мотивы хулиганской направленности, а также религиозные и экстремистские мотивы. Подчеркнем, что совершение дезорганизационных действий также может быть обусловлено вышеуказанными мотивами [8, с. 146].

Массовые беспорядки совершаются только с прямым умыслом, то есть как организаторы, так и участники массовых беспорядков, а также лица, призывающие к неподчинению представителям власти, к массовым беспорядкам и насилию над гражданами, осознают, что совершают деяния, предусмотренные настоящей статьей, и желают их совершения.

Цель совершения преступления также не является критерием для разграничения исследуемых составов преступления, поскольку специальная цель отсутствует в характеристике субъективной стороны массовых беспорядков. Именно массовость, предоставляет возможность отграничить рассматриваемые составы преступлений. Если обратиться к содержанию ст. 212 УК РФ, то можно обнаружить указание на данный критерий. Ущерб, который причиняется объектам посягательства, находится в непосредственной зависимости от количества человек, которые участвуют в совершении преступления. Организованная группа может выступать в качестве субъекта преступления, предусмотренного ч.3 ст. 321 УК РФ, следовательно, несколько человек могут совершить данное преступление.

Согласно Постановления Правительства РФ от 25.03.2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» [9], что для обеспечения призна-

ка массовости требуется нахождение не менее пятидесяти человек в одном месте.

Таким образом, ст. 321 УК РФ и ст. 212 УК РФ необходимо отграничивать по следующим факторам: количество субъектов преступления; объект преступного посягательства (при дезорганизации – это установленный режим учреждения уголовно-исполнительной системы, при массовых беспорядках – это общественный порядок). Количество уголовных дел, которые возбуждаются по причине совершения преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ в сравнении со ст. 212 УК РФ возбуждаются значительно реже, поскольку данная статья уголовного законодательства носит исключительный характер. Сотрудники учреждений УИС обеспечивают сбор первичной доказательственной базы по ст. 321 УК РФ и передают необходимые материалы правоохранительным органам, если в отношении виновного выявлены доказательства, подтверждающие совершение преступлений. В связи с данным противоречием целесообразно действующий уголовный закон дополнить отдельной правовой нормой, которая устанавливает ответственность осужденных, ранее судимых за совершение указанных преступлений.

Преступление, предусмотренное ч.3 ст. 313 УК РФ (Побег), также представляет определенную специфику в системе пенитенциарных преступлений. Очень часто побег связан с применением насильственных действий либо угрозы их применения, что, в свою очередь, подвергает жизнь и здоровье потерпевшего повышенной опасности.

С объективной стороны и побег, и дезорганизация деятельности связаны с применением насилия, опасного для жизни и здоровья (относительно ч. 3 ст. 321 УК РФ). Однако, если ч. 3 ст. 321 УК РФ охватывается вред здоровью любой тяжести, то ч. 3 ст. 313 УК РФ предусматривается только причинение легкого и средней вреда. В этой связи, тяжкий вред здоровью, причиненный в связи с побегом,

требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ и ч.3 ст.313 УК РФ. Вызывает определенные трудности при квалификации применение насилия в исправительных учреждениях в случаях, когда эти действия влекут за собой смерть потерпевшего. Можно заключить, что в ситуации, когда смерть наступает в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений - по ч. 4 ст. 111 и ч. 3 ст. 321 УК РФ. При этом умышленное убийство не охватывается составом ст. 321 УК РФ и требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 105 УК РФ. Наиболее сложно разграничить массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) и ст. 321 УК РФ, поскольку эти деяния зачастую совершаются одновременно и с применением насилия. Статья 321 УК РФ отличается от ст. 212 УК РФ, во-первых, по числу преступников, во-вторых, по объекту, на который посягают эти преступления. В случае массовых беспорядков мотивы могут быть любые, в том числе и те, которые указаны в ст. 321 УК РФ в качестве обязательных.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, при наличииотягчающих признаков образует квалифицированный состав. К отягчающим признакам относятся: совершение преступления организованной преступной группой; совершение дезорганизационных действий с применением насилия, представляющего опасность для жизни и здоровья потерпевшего. Различие преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, от смежных по составу преступлений, имеет большое значение в механизме правового регулирования. Точная квалификация совершенных преступных посягательств выступает в качестве одного из средств, которые реализуют социальную справедливость и обеспечивают законность, охрану прав, свобод и интересов граждан.

Литература

1. Уголовно-исполнительное право: Учебник / В.Ю. Голубовский, С.И. Захарцев, М.Ф. Костюк, Е.В. Кунц. – Москва: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2022. – 272 с.
2. Голубовский, В.Ю. Тенденции развития уголовно-исполнительной политики / В.Ю. Голубовский // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года / Под общей редакцией Е.Н. Рахмановой. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. 464–470.
3. Статистика преступности. URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2022/04/Ot-Goroshko-I.V.-dannye-po-vsem-statyam-UK-11-16-21.pdf>(дата обращения: 20.02.2023).

4. Приговор суда по ч. 2 ст. 321 УК РФ № 1-556/2017 | Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. <https://sud-praktika.ru/precedent/420673.html>(дата обращения: 24.02.2023).
5. Никитин В.С. Отграничение дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений / В.С. Никитин // Юридический факт. 2020. № 118. С. 19–22.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (в ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) / СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 24.02.2023).
7. Карпов А.А., Саблина А.П. К вопросу об особенностях разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 212 и 321 УК РФ / А.А. Карпов, А.П. Саблина // EuropeanResearchForum: статья в сборнике трудов конференции. Петрозаводск, 2021. С. 21–29.
8. Кернаджук И.В., Швейгер А.О. К некоторым вопросам отграничения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений / И. В. Кернаджук, А.О. Швейгер // Власть и управление на востоке России. 2017. № 3 (80). С. 145–149.
9. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий): Постановление Правительства РФ от 25.03.2015 г. № 272 // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.04.2015. № 14. Ст. 2119.

References

1. Uголовno-ispolnitel'noye pravo: Uchebnik / V.YU. Golubovskiy, S.I. Zakhartsev, M.F. Kostyuk, Ye.V. Kunts. – Moskva: Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2022. – 272 s.
2. Golubovskiy, V.YU. Tendentsii razvitiya uголовno-ispolnitel'noy politiki / V.YU. Golubovskiy // Uголовnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 11 marta 2022 goda / Pod obshchey redaktsiyey Ye.N. Rakhmanovoy. – Sankt-Peterburg: Tsentri nauchno-informatsionnykh tekhnologiy “Asterion”, 2022. – S. 464–470.
3. Statistika prestupnosti. URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2022/04/Ot-Goroshko-I.V.-dannye-po-vsem-statyam-UK-11-16-21.pdf>(data obrashcheniya: 20.02.2023).
4. Prigovor suda po ch. 2 st. 321 UK RF № 1-556/2017 | Dezorganizatsiya deyatel'nosti uchrezhdeniy, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva. <https://sud-praktika.ru/precedent/420673.html>(data obrashcheniya: 24.02.2023).
5. Nikitin V.S. Otgranicheniye dezorganizatsii deyatel'nosti uchrezhdeniy, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva, ot smezhnykh sostavov prestupleniy / V.S. Nikitin // Yuridicheskiy fakt. 2020. № 118. S. 19–22.
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.01.1999 g. № 1 (v red. ot 03.03.2015 g.) «O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve (st. 105 UK RF) / SPS Konsul'tant-Plyus (data obrashcheniya: 24.02.2023).
7. Karpov A.A., Sablina A.P. K voprosu ob osobennostyakh razgranicheniya sostavov prestupleniy, predusmotrennykh stat'yami 212 i 321 UK RF / A.A. Karpov, A.P. Sablina // EuropeanResearchForum: stat'ya v sbornike trudov konferentsii. Petrozavodsk, 2021. S. 21–29.
8. Kernadzhuk I.V., Shveyger A.O. K nekotorym voprosam otgranicheniya dezorganizatsii deyatel'nosti uchrezhdeniy, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva, ot smezhnykh sostavov prestupleniy / I. V. Kernadzhuk, A.O. Shveyger // Vlast' i upravleniye na vostoке Rossii. 2017. № 3 (80). S. 145–149.
9. Ob utverzheniiy trebovaniy k antiterroristicheskoy zashchishchennosti mest massovogo prebyvaniya lyudey i ob'yektov (territoriy), podlezhashchikh obyazatel'noy okhrane voyskami natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, i form pasportov bezopasnosti takikh mest i ob'yektov (territoriy): Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 25.03.2015 g. № 272 // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 06.04.2015. № 14. St. 2119.

КУНЦ Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России). 125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. E-mail: 73kuntc@mail.ru

KUNTS Elena Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Federal State Institution “Research Institute of the Federal Penitentiary Service” (FKU NII FSIN of Russia). 125130, Moscow, st. Narva, 15A, p. 1. E-mail: 73kuntc@mail.ru

Курбатова С.М.

СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТЬ НАДЛЕЖАЩЕГО УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Kurbatova S.M.

SOCIALLY SIGNIFICANT CIRCUMSTANCES LIMITING THE POSSIBILITY OF PROPER PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье поднимается проблема неурегулированности обеспечения надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями. Под лицами с ограниченными возможностями понимаются участники уголовного судопроизводства, которые из-за определенных социально значимых обстоятельств оказываются в неравном положении по сравнению с другими участниками в возможности реализовывать принадлежащие им процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности. Рассматривается опыт ряда зарубежных государств, где такие участники выделяются в качестве особой категории, наделяемой специальным правовым статусом и дополнительными процессуальными гарантиями. Анализируются и обобщаются обстоятельства, наличие которых рассматривается как предпосылки уязвимости перед процедурами уголовного судопроизводства. Обращается внимание на то, что эти обстоятельства являются социально значимыми и представляют собой результат эволюционирования взглядов на концепцию социального государства и развития гуманистических идей, выразившиеся в изменении подхода к пониманию сущности человека в контексте его уязвимости перед современными вызовами, особенно проявляющейся в таких сферах, как уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, надлежащее участие, участники, лица с ограниченными возможностями, ограниченные возможности участия.

The article raises the problem of the lack of regulation of ensuring proper participation in criminal proceedings of persons with disabilities. Persons with disabilities are understood as participants in criminal proceedings who, due to certain socially significant circumstances, find themselves in an unequal position compared to other participants in the ability to exercise their procedural rights and perform procedural duties. The experience of a number of foreign countries is considered, where such participants are distinguished as a special category endowed with a special legal status and additional procedural guarantees. The circumstances, the presence of which is considered as prerequisites for vulnerability to criminal proceedings procedures, are analyzed and summarized. Attention is drawn to the fact that these circumstances are socially significant and are the result of the evolution of views on the concept of the welfare state and the development of humanistic ideas, expressed in a change in the approach to understanding the essence of a person in the context of his vulnerability to modern challenges, especially manifested in such areas as criminal justice.

Keywords: criminal proceedings, proper participation, Participants, persons with disabilities, limited opportunities for participation.

Современная перцепция человека в обществе и государстве основывается на гуманистическом восприятии мира, ставшем результатом переосмысления и переоценки многих вопросов после Второй мировой войны [7]. Закрепление Во Всеобщей декларации ООН основополагающей идеи о том, что человек, его права и свободы, есть высшая ценность для государств, получила дальнейшее развитие в свете эволюции концепции социального государства, одним из проявлений которого стало появление теории уязвимости человека [2], вызвавшая интерес у представителей общественности и научных исследователей с момента ее появления в отчете Белмонта Соединенных Штатов в 1979 году. Ее суть сводится к тому, что некоторые участники общественных отношений, так называемые уязвимые лица, могут подвергаться более высокому риску причинения вреда или нарушения своих прав. Она получила распространение в основном в странах англо-саксонской семьи права, тем не менее, затронула и другие, а также вышла и на международный уровень [5]. И если изначально теория уязвимости касалась таких сфер как социальная защита и обеспечение населения, медицина, образование, то с 90-х г.г. XX в. в ряде государств стала охватывать и уголовное судопроизводство. Причем наблюдается тенденция по все большему расширению перечня категорий лиц, которые относятся к уязвимым перед системой уголовного правосудия и признаются ограниченными в своих возможностях по участию в ней. А значит, актуальным становится вопрос о причинах этой уязвимости, т.е. о социально-значимых обстоятельствах, обуславливающих ее. Для этого необходимо обратиться к опыту и законодательству других государств, так как в нормах российского Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) имеются лишь отдельные положения, касающиеся особенностей участия в уголовном производстве лиц с ограниченными возможностями, изучение которых позволяет назвать в числе таких обстоятельств следующие: несовершеннолетие (гл. 50, п. 2 ст. 51, ст. 191 и др.), физические или психические недостатки (п. 3 ч. 1 ст. 51, ч. 3 ст. 167), физические или психические состояния (п.п. 3-5 ст. 196) и др. Они изложены бессистемно (можно сказать, казуистически) и не отражают современный подход к понятию особой уязвимости некоторых социальных групп перед уголовно-процессуальными процедурами, представленного в международном праве, например, в Принципах и руково-

дящих положениях ООН, касающихся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия, 2012 г¹. В них, в числе обстоятельств, влекущих «необходимость учитывать потребность особых групп», названы: возраст (как несовершеннолетний, так и пожилой), тяжелые инфекционные заболевания, психические расстройства, наркомания, невладение (плохое владение) языком уголовного судопроизводства, принадлежность к коренным народам и аборигенам и др. (п.57).

В Великобритании, согласно Закону о правосудии в отношении молодежи и доказательствах по уголовным делам 1999 г.², это: 1) несовершеннолетние, 2) лица, страдающие психическим расстройством; лица со значительными нарушениями в отношении интеллекта и социального функционирования; лица, имеющие физические проблемы (представители этой категории имеют право на дополнительные гарантии только в том случае, если качество доказательства, которые должны быть данные ими доказательства, вероятно, будут уменьшены по причине расстройства или инвалидности); 3) запуганные лица (для отнесения к этой категории учитываются характер и предполагаемые обстоятельства преступления, возраст, социальное, культурное и этническое аспекты и происхождение, бытовые и трудовые условия и обстоятельства и пр.), жертвы сексуального насилия.

В Австралии акцент сделан на охрану прав участников, имеющих когнитивные нарушения, т.к. презюмируется, что физические трудности в большинстве случаев преодолимы с помощью технических средств и современных технологий [3]. Было проведено много исследований, в том числе с поддержкой со стороны государства, среди которых особо следует выделить отчеты Комиссии по правовой реформе штата Новый Южный Уэльс 2012 и 2013 г.г. о людях с нарушениями когнитивного и психического здоровья в уголовном судопроизводстве³, следствием которого стали серьезные изменения в

¹ Приняты Генеральной Ассамблеей ООН № 67/187 20 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/13-86672_e_book.pdf

² Youth Justice and Criminal Evidence Act 1999 [Электронный ресурс] <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/23/section/16>

³ NSW Law Reform Commission in its reports on 'People with cognitive and mental health impairments in the criminal justice system' in 2012 and 2013 [Электронный ресурс] <https://studylib.net/doc/10428822/people-with-cognitive-and-mental-health-impairments-in-th...>

законодательстве и реорганизация системы отправления правосудия, что продолжается и по настоящее время⁴. Так, в соответствии со статьей 4 (1) Закона о судебной экспертизе психического здоровья и когнитивных нарушений 2020 года⁵ под понятие «нарушение психического здоровья» подпадают «временное или постоянное ухудшения мышления, настроения, воли, восприятия или памяти», «существенные для клинических диагностических целей» и «ухудшающие эмоциональное благополучие, суждения или поведение человека». Исключение - если причина во временном эффекте приема вещества или в расстройстве, связанном с употреблением психоактивных веществ. Когнитивные нарушения определены в разделе 5 Закона, где к ним отнесены: постоянное нарушение адаптивного функционирования; постоянные нарушения в понимании, разуме, суждениях, обучении или памяти; нарушения являются результатом повреждения или дисфункции, задержки развития или ухудшения состояния мозга или разума человека, которые могут возникнуть в результате различных состояний.

Во Франции, Австрии и ряде других государствах, характеризующихся приверженностью ценностям прав человека, ограниченные возможности участия в уголовном судопроизводстве также связываются с обстоятельствами физической, психической и социальной уязвимости [1, 4].

В целом, анализ и обобщение опыта разных стран позволяет выделять виды обстоятельств и ситуаций, которые обуславливают факт ограничения в возможности надлежащего участия в уголовном судопроизводстве. Например,

1) связанные со здоровьем, когда из-за проблем с ним лицо физически и (или) интеллектуально не способно самостоятельно надлежащим образом реализовывать свои процессуальные права и исполнять обязанности:

– нарушения физической целостности организма и функциональности работы органов, влияющих на опорно-двигательный аппарат и сенсорные функции (врожденное или приобретенное отсутствие конечностей, возможность выполнения

ими своих функций, слепота и слабослышание, глухота и слабослышание, немота и пр.);

– психические болезни и расстройства;

– физиологические состояния и процессы (возраст – детский и пожилой, психосоматические расстройства, тяжело протекающая беременность, послеродовая депрессия, осложнения после инфекционных заболеваний – гриппа, COVID-19 и пр.);

– комбинированные (терминальные стадии болезней, КРБС-синдром, нейропатические боли и пр.);

2) социально-когнитивные: ограниченность в возможностях реализации своего процессуального статуса конкретного участника уголовного судопроизводства вследствие нарушения работы когнитивных функций, вызванной социальными факторами (неграмотность и малограмотность, принадлежность к коренным народам, реализующим традиционный (зачастую по-прежнему кочевой) уклад жизнедеятельности, ведение затворнического образа жизни, одиночество и т.п.).

Также можно подразделить на две следующие группы:

1) физические, когда речь идет о возможности или невозможности фактического доступа лица к уголовно-процессуальным процедурам;

2) когнитивные, связанные со способностью воспринимать, понимать, запоминать, передавать и т.п. внешнюю информацию (сюда относятся как психические заболевания и расстройства, так и последствия воздействия социальных факторов).

По степени выраженности их можно подразделить на:

1) низкая: не влияет на возможность участия в производстве по уголовному делу (естественное волнение перед допросом, легкая простуда, наличие только общего образования, принадлежность к коренному народу, но проживание в современных населенных пунктах и ведение обычного образа жизни, простая мигрень и т.п.);

2) средняя: (проблемы снимаются, например, предоставлением лупы и других средств оптической помощи слабослышащим, содействием в доставке маломобильных лиц к месту допроса в кабинет следователя, назначением обезболивающих препаратов, предоставлением сопровождающего лица – психо-терапевтической помощи для лиц, находящихся в психотравмирующей для них ситуации:

⁴ Equality before the Law Bench Book, 2000 (2022) [Электронный ресурс] <https://www.judcom.nsw.gov.au/sentencing/>, Criminal Trial Courts Bench Book, 2007 (2022) [Электронный ресурс] <https://www.judcom.nsw.gov.au/criminal/> и др.

⁵ Mental Health and Cognitive Impairment Forensic Provisions Act 23.07.2020 № 12 [Электронный ресурс] <https://legislation.nsw.gov.au/view/pdf/asmade/act-2020-12>

смерть близкого, изнасилование, теракт и пр., изготовление протоколов и других документов для слепых с помощью шрифта Брайля, и т.п.)

3) высокая: ставится вопрос о его способности быть участником уголовно-процессуальных отношений вообще; как результат – рассмотрение вопроса о его замене другим участником (законный представитель, другой свидетель или присяжный заседатель) или о невозможности этого с принятием соответствующего процессуального решения (например, о применении принудительных мер медицинского характера согласно гл. 51 УПК РФ).

Безусловно, необходимо учитывать особенности конкретного государства при урегулировании на национальном уровне вопросов, поднимаемых в данной статье. Это касается как выделения самих социально значимых обстоятельств и ситуаций, так и их последствий в виде конкретных ограничений, возникающих у определенного участника уголовного судопроизводства; определения степени проявления этих ограничений и их влияния на способность самостоятельного участия в следственных и иных действиях; необходимость (и возможность) предоставления специальных мер, направленных на компенсацию таких ограничений и выравнивание процессуального положения данного лица, и пр.

Представляется необходимым закрепление этого в нормах уголовно-процессуального законодательства в виде определенного механизма выявления и установления ограниченных возможностей у участников уголовного судопроизводства. Это представляет собой такой «способ познания, изучения и установления состояний, качеств и свойств объектов»⁶, который называется диагностика (от греч. *diagnostikos* — способный распознавать), и который представляет собой «когнитивную деятельность, состоящую в сопоставлении наблюдаемых признаков ис-

следуемого объекта с системой априорно (нормативно) заданных эмпирических признаков с целью его идентификации»⁷. Учитывая специфику уголовно-процессуальной сферы, предлагается к использованию термин «уголовно-процессуальная диагностика», под которым, применительно к проблематике данной статьи, понимается выявление и установление обстоятельств, ограничивающих возможность самостоятельного участия лица в производстве по уголовному делу. Термин «диагностика» широко применяется в разных науках; широко используется в педагогике, медицине, психологии и др. [8]. В том числе и в криминалистике [6]. И хотя криминалистика тесно связана с уголовным процессом, тем не менее это разные науки, у которой свои объекты и предметы исследования. Поэтому криминалистическая диагностика не сможет решить задачи, которые ставятся перед уголовно-процессуальной диагностикой ограниченных возможностей надлежащего участия в уголовном судопроизводстве. В данной работе поднимается вопрос о введении и использовании данного термина в контексте рассматриваемой темы, как элемента механизма обеспечения надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями (компенсаторный механизм) в рамках предлагаемого автором компенсаторного подхода [9]. Дальнейшее его раскрытие обуславливает отдельное самостоятельное исследование.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить тесную взаимосвязь между развитием общества и законодательства, проявляющуюся в их взаимозависимости и взаимообусловленности. Применительно к российскому уголовному судопроизводству это означает необходимость его дальнейшего развития с учетом современных гуманистических идей, понимания сущности и многообразия особенностей человека, обязанности социального правового государства.

Литература

1. Agnes Cerf-Hollender «Les vulnerabilites nommees et inconnues en matiere penale». Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux [En ligne], 2020 [Электронный ресурс] <http://journals.openedition.org/crdf/6417>.
2. Bracken-Roche D., Bell, E., Macdonald M.E. et al. The concept of 'vulnerability' in research ethics: an in-depth analysis of policies and guidelines. *Health Res Policy Sys* 15, 8, 2017.
3. McShery B. People with cognitive and mental health impairments in the criminal justice system *Criminal responsibility*, 2014 [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/268335035_

⁶ Энциклопедия [Электронный ресурс] <https://didacts.ru/termin/diagnostika.html>

⁷ Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/диагностика

4. Nachbaur D, Unterlerchner B. WEISSER RING / Crash-Kurs Strafrecht_Stand 2019. 60 p.
5. Алисиевич Е.С. К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве прав человека//Евразийский юрид. журн. 2013. № 1 (56). С. 29–39.
6. Дубровин С.В. Основы теории криминалистической диагностики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 51 с.
7. Кефели И.Ф. Исторические судьбы глобального гуманизма // Труды Санкт-Петербургского гос. института культуры. 2015. Т. 210. С. 39–48.
8. Крейк А.И., Соболев Н.В. Феноменологический анализ термина «Социологическая диагностика» // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2016. Т. 18. № 4. С. 121–123.
9. Курбатова С.М. Компенсаторный подход для обеспечения реализации прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: сущность и значение // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: Мат-лы междунар. научно-практич. конф. Том Часть 2. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2022. С. 659–661.

References

1. Agnes Cerf-Hollender «Les vulnerabilites nommees et innommees en matiere penale». Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux [En ligne], 2020 [Электронный ресурс] <http://journals.openedition.org/crdf/6417>,
2. Bracken-Roche D., Bell, E., Macdonald M.E. et al. The concept of 'vulnerability' in research ethics: an in-depth analysis of policies and guidelines. Health Res Policy Sys. 2017. 15. 8.
3. McShery B. People with cognitive and mental health impairments in the criminal justice system Criminal responsibility, 2014 [Электронный ресурс] <https://www.researchgate.net/publication/268335035>
4. Nachbaur D, Unterlerchner B. WEISSER RING / Crash-Kurs Strafrecht_Stand 2019. 60 p.
5. Alisieovich E.S. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «uyazvimye gruppy» v mezhdunarodnom prave prav cheloveka//Evrazijskij jurid. zhurn. 2013. № 1 (56). С. 29–39.
6. Dubrovin S.V. Osnovy teorii kriminalisticheskoy diagnostiki: avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006. 51 s.
7. Kefeli I.F. Istoricheskie sud'by global'nogo gumanizma // Trudy Sankt-Peterburgskogo gos. instituta kul'tury. 2015. T. 210. S. 39–48.
8. Krejk A.I., Sobolev N.V. Fenomenologicheskij analiz termina «Sociologicheskaya diagnostika» // Mediko-farmaceuticheskij zhurnal «Pul's». 2016. T. 18. № 4. S. 121–123.
9. Kurbatova S.M. Kompensatornyj podhod dlya obespecheniya realizacii prav uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva s ogranichennymi vozmozhnostyami: sushchnost' i znachenie // Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya: Mat-ly mezhdunar. nauchno-praktich. konf. Tom CHast' 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij GAU, 2022. S. 659–661.

КУРБАТОВА Светлана Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы. Красноярский государственный аграрный университет. 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90. E-mail: sveta_kurbatova@mail.ru

KURBATOVA Svetlana Mikhailovna, candidate of law, associate professor, associate professor of the department of criminal procedure, criminalistics and fundamentals of forensic examination. Krasnoyarsk state agrarian university, 660049, Krasnoyarsk, Mira Ave. 90. E-mail: sveta_kurbatova@mail.ru

Курбачевская К.И.

ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА: ХАРАКТЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ ДОПРОСА

Kurbachevskaya K.I.

INTERROGATION OF A SPECIALIST AND EXPERT: CHARACTERISTIC DIFFERENCES AND PROBLEMS ARISING DURING INTERROGATION

Для установления истины по уголовным делам могут использоваться специальные показания. В частности, допустимо выполнение допроса специалиста и эксперта. Часто между вышеуказанными процедурами ставят знак равенства и предлагают рассматривать их в качестве равнозначных и идентичных. Однако подобный подход с точки зрения законодательства и юридических особенностей крайне неверных, поскольку присутствует целый комплекс существенных отличий, который необходимо принимать во внимание. В статье рассматриваются характерные отличия, наблюдаемые между процедурами допросов специалиста и эксперта, поднимаются основные проблемы, возникающие во время выполнения действия.

Ключевые слова: специалист, эксперт, допрос, характерные отличия, проблемы, разница между процессом допроса.

To establish the truth in criminal cases, special testimony can be used. In particular, it is permissible to interrogate a specialist and an expert. Often between the above procedures they put an equal sign and propose to consider them as equivalent and identical. However, such an approach from the point of view of legislation and legal features is extremely incorrect, since there is a whole range of significant differences that must be taken into account. The article discusses the characteristic differences observed between the procedures of interrogation of a specialist and an expert, raises the main problems that arise during the execution of the action.

Keywords: specialist, expert, interrogation, characteristic differences, problems, difference between interrogation processes.

Непонимание различий между процедурами допроса специалиста и эксперта в первую очередь возникает в связи с отсутствием понимания разницы между вышеуказанными лицами, что приводит к возникновению сложностей и правовой путаницы. По этой причине присутствует потребность в формировании четкого понимания каждого из понятий, изучения их особенностей, присутствующих правовых нюансов.

В первую очередь необходимо сказать о том, что эксперт – это лицо, которое имеет специальные знания, способные принести пользу в процессе рассмотрения дела, и назначенное в соответствии с порядком, установленным УПК РФ, для проведения судебной экспертизы и под-

готовки экспертного заключения. Оно может рассматриваться в качестве доказательства и служить основой для принятия комплексного решения в рамках осуществляемого разбирательства.

Необходимо отметить, что процесс назначения судебной экспертизы осуществляется не во всех случаях. В частности, ее используют в ситуациях, когда процессуальное лицо нуждается в получении специальных знаний в научной, технической или иной сфере, требующей присутствия профильного образования, понимания нюансов и прочего, что делает невозможным выполнение самостоятельного анализа в рамках разбирательства. Выполнять экспертизу имеют право только сотрудники экспертных учреждений

или иные лица, назначенные следователем, судом или лицом, проводящим дознание, а также имеющие необходимые и официально подтвержденные компетенции.

Чтобы экспертизу назначили, лицо, осуществляющее следствие по делу, должно подготовить постановление. В документе закрепляют вопросы, на которые эксперт обязан дать ответ. Необходимо обратить внимание на тот факт, что суд также имеет право подготовить определение и инициировать процесс проведения экспертизы [2].

Эксперт, подготовивший заключение, которое исползуется в процессе рассмотрения дела, может быть привлечен к допросу. Основанием для выполнения процедуры выступает потребность в разъяснении нюансов представленного заключения или необходимость в его дополнении. Кроме того, эксперта могут вызвать на допрос, если выявлены арифметические или иные ошибки, неточности в указании фамилий или иных данных, играющих крайне важную роль в процессе рассмотрения дела [3].

Перед допросом осуществляется оглашение ранее подготовленного заключения вне зависимости от того, осуществлялось ли его исследование до момента проведения рассматриваемой процедуры или нет. Интересно, что в действующем законодательстве отсутствует указание лица, обязанного оглашать заключение. Это значит, что выполнение процедуры может осуществить как сам эксперт, так и суд, рассматривающий дело.

Важно обратить внимание на тот факт, что допрос эксперта не является процессуальным действием и проводится только в тех случаях, когда возникает потребность в подобном. В частности, процедуру выполняют, если необходимо разъяснить суду специальные термины, используемые в заключении, устранить расхождения, которые были выявлены в процессе осуществления анализа, дать более развернутую формулировку своей позиции, если между экспертами возникли разногласия, более детально и последовательно изложить процесс исследования материалов и представленных данных.

Вышеуказанный перечень задач, решить которые позволяет допрос эксперта, не является исчерпывающим. Фактически процедуру могут провести в любой ситуации, когда присутствует потребность в получении прямого комментария со стороны эксперта.

На основании вышесказанного можно сформулировать общую задачу, для выполнения которой проводится допрос эксперта, - устранение неясности, неполноты, возникшей в процессе подготовки заключения, в ситуациях, когда выполнение вышеуказанных процедур не требует осуществления повторной экспертизы [1].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в качестве главной сложности выступает проблема определения предмета допроса, а также его отделение от предмета дополнительной экспертизы. Возможна прямо противоположная ситуация. Так, если прослеживается потребность в выполнении дополнительной экспертизы, в некоторых случаях следователь или суд могут ограничиться только выполнением допроса эксперта.

Для четкого разграничения вышеуказанных понятий необходимо сформировать понимание цели выполнения того или иного мероприятия. Так, допрос эксперта проводят, если потребность в дополнительной экспертизе отсутствует, и ответы на возникшие вопросы способно дать лицо, которое занималось исследованием представленных материалов. В свою очередь, дополнительную экспертизу осуществляют, если нужно получить ответы на вопросы, которые изначально не исследовались, и для их предоставления присутствует потребность в повторном изучении материалов.

В рамках расследования преступлений может осуществляться иная форма установления обстоятельств произошедшего – допрос специалиста. Так называют лицо, которое обладает специальными знаниями по рассматриваемой теме и может быть привлечено к рассмотрению дела с целью оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и средств, а также их применении с целью постановки вопросов эксперту, разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию лица [5].

Ранее роль специалиста была сильно ограничена. Используя специальные знания, лицо оказывало содействие следствию в обнаружении и изъятии доказательств, что выступало одним из главных отличий от работы эксперта. Специалист самостоятельную работу с материалами не осуществлял. После их получения выполнялась передача уполномоченному эксперту.

Теперь перечень полномочий специалиста расширен. В частности, он может привлекаться для осуществления про-

цесса постановки вопросов эксперту, а также для осуществления разъяснения суду вопросов, которые входят в его профессиональную компетенцию. Вышеуказанные нововведения обусловлены практическими потребностями и влекут за собой значительное расширение возможностей специалиста.

Примечательно, что в действующем законодательстве содержится информация о том, что именно представляют собой показания специалиста, полученные в процессе допроса (ст. 80 УПК РФ). Так, под ними предлагается понимать данные, которые были сообщены на допросе, об обстоятельствах, анализ которых требует наличия специфических знаний, а также разъяснение собственного мнения, выполненное с учетом требований законодательства.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что подготовка заключения в рамках проведения допроса специалиста не является обязательным этапом выполнения процедуры. Это связано с тем, что фактически исследование не проводится. Фактически специалист высказывает собственное мнение в рамках тех вопросов, к обсуждению которых его привлекли.

Если эксперт может быть приглашен как по инициативе суда, то в случае со специалистом обычно инициатором его привлечения к рассмотрению вопроса обычно выступает сторона защиты, которая обращается к специалисту с целью критической оценки выводов, которые были получены экспертами, определения пригодности материалов для проведения экспертизы, выявления ошибок в процессе фиксации материалов, определения факта выхода эксперта за пределы своей компетенции, помощи в установлении факта того, какие дополнительные материалы могут потребоваться для проведения экспертизы, обоснования ранее полученных выводов эксперта [4].

Подводя итог, можно сказать о том, что допрос эксперта проводится с целью выяснения принципа состязательности уголовного производства посредством привлечения к процессу иных компетентных лиц и заслушивания их мнения во время судебного заседания. Однако, следует отметить, что подобный подход можно назвать недостаточно эффективным. Это связано с тем, что большая часть вопросов, для получения ответа на которые приглашается специалист, находится в компетенции суда, следователя, прокурора. Иные вопросы, касающиеся, например, пригодности предоставленных материалов, решаются непосредственно

перед проведением экспертизы, что делает процесс привлечения специалистов излишним.

Кроме того, работа со специалистом влечет за собой возникновение ряда проблем. В частности, как уже говорилось ранее, в законодательстве не предусмотрена потребность в предоставлении заключения в случае, когда к проблеме привлекается специалист. Кроме того, форма и иные правила подготовки документа не определены. Порядок обращения сторон к специалисту также законодательно не закреплен, что позволяет говорить о том, что показания специалиста не могут быть рассмотрены в качестве доказательства по уголовному делу [2].

Заключение, подготовленное специалистом, носит сугубо субъективный характер. Оно всегда будет уступать по значимости заключению эксперта, который занимается детальным изучением обстоятельств дела и анализом представленных материалов.

Вышеуказанные проблемы приводят к тому, что возникает потребность в более корректном и правильном подходе к процессу регламентации применения результатов допроса специалиста и их применению в рамках уголовного разбирательства. В частности, присутствует потребность в пересмотре самой сути заключения специалиста, которое на сегодняшний день представляет собой ничем не подкрепленное суждение. Необходимо закрепить потребность подготовки заключения строго в письменном виде, а также отражения в нем процесса проведения исследования и выводов, которые были получены на его основании.

Дополнительно необходимо закрепить форму документа, а также ситуации, при наступлении которых допустимо использование заключения специалиста, что позволит разобраться с особенностями обращения к нему, а также повысить значимость полученных результатов в рамках рассмотрения дела.

Затем следует зафиксировать наличие уголовной ответственности за предоставление заведомо ложного заключения. Пока для специалиста она отсутствует, что повышает риск неправомерных действий со стороны лица, предоставившего документ.

Так, присутствует потребность в изменении ст. 58 УПК РФ, в которой необходимо отразить, что заключение специалиста может быть рассмотрено в качестве источника доказательств. Подобный подход позволит полностью пересмотреть его роль в рамках судебного разбиратель-

ства, а также значительно повысить значимость специалиста в процессе рассмотрения уголовного дела [3].

Подводя итог, можно сказать о том, что роль результатов допроса специалиста и эксперта значительно отличается, как и цель, для достижения которой выполняется процедура. Если первое лицо привлекают для предоставления пояснений в рамках подготовленного заключения, то второе участвует в процессе для подготовки вопросов и выполнения иных дей-

ствий в рамках своей компетенции. Однако заключения эксперта и специалиста имеют разную силу, что приводит к возникновению ряда проблем. Чтобы устранить их, необходимо осуществить пересмотр или дополнение ряда положений законодательства. В частности, нужно конкретизировать роль специалиста в рассмотрении уголовного дела, а также определить особенности предоставления заключения.

Литература

1. Божьев В. П. Изменение УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. 2015. № 8. С. 2–6.
2. Лазарева Л. В. Проблема определения доказательственного статуса заключения и показаний специалиста в уголовном процессе // Мировой судья. 2018. № 9. С. 27–28.
3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: Учеб. - практ. пособие. М., 2019. 344 с.
4. Тарасов А. А. Судебная экспертиза по уголовным делам: спорные вопросы назначения, производства и оценки заключений эксперта: Учеб. пособие. Самара. 2018. 119 с.
5. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2021. 736 с.

References

1. Bozh'yev V. P. Izmeneniye UPK RF – ne vseгда sredstvo yego sovershenstvovaniya // Zakonnost'. 2015. № 8. S. 2–6.
2. Lazareva L. V. Problema opredeleniya dokazatel'stvennogo statusa zaklyucheniya i pokazaniy spetsialista v ugovolnom protsesse // Mirovoy sud'ya. 2018. № 9. S. 27–28.
3. Lazareva V. A. Dokazyvaniye v ugovolnom protsesse: Ucheb.- prakt. posobiye. M., 2019. 344 s.
4. Tarasov A. A. Sudebnaya ekspertiza po ugovolnym delam: spornyye voprosy naznacheniya, proizvodstva i otsenki zaklyucheniy eksperta: Ucheb. posobiye. Samara. 2018. 119 s.
5. Rossinskaya Ye. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom protsesse. M., 2021. 736 s.

КУРБАЧЕВСКАЯ Карина Идрисовна, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Уральский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 454135, Россия, г. Челябинск, ул. Энергетиков, 63. E-mail: srebro1514@yandex.ru

KURBACHEVSKAYA Karina Idrisovna, Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law, Ural branch of the Russian State University of Justice. 454135, Russia, Chelyabinsk, Energetikov str., 63. E-mail: srebro1514@yandex.ru

Востриков Г.А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЛИЧНОСТЬ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Vostrikov G.A.

METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE OF CRIMINALISTIC CLASSIFICATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL ATTACKS ON THE PERSON COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Одним из эффективных, зарекомендовавшим себя средством расследования является криминалистическая классификация. Она позволяет уже на начальном этапе расследования определить оптимальный алгоритм расследования соответствующего преступления. Как средство криминалистическая классификация позволяет решать тактические и стратегические проблемы, встающие при расследовании преступных посягательств на личность, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Благодаря ей следователь имеет возможность своевременно выявить доказательства, которые способны воссоздать в полном объёме имевшее место событие преступления и причастность к нему соответствующих лиц. В результате проведённого анализа, положенного в основу данной статьи, сделан вывод о том, что криминалистическая классификация преступлений является эффективным средством расследования, которое должно приниматься во внимание методикой расследования преступных посягательств на личность, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: криминалистическая классификация преступлений, методика расследования, алгоритм расследования, преступные посягательства на личность, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, способ совершения преступления, объект преступного посягательства.

One of the effective, proven means of investigation is forensic classification. It allows you to determine the optimal algorithm for investigating the relevant crime already at the initial stage of the investigation. As a means, criminalistic classification allows solving tactical and strategic problems that arise during the investigation of criminal attacks on the person committed using information and telecommunication networks. Thanks to her, the investigator has the opportunity to identify evidence in a timely manner that is able to recreate in full the event of the crime that took place and the involvement of the relevant persons in it. As a result of the analysis based on this article, it is concluded that the criminalistic classification of crimes is an effective means of investigation, which should be taken into account by the methodology of investigation of criminal attacks on the person committed using information and telecommunication networks.

Keywords: forensic classification of crimes, investigation methodology, investigation algorithm, criminal attacks on a person, committed using information and telecommunication networks, method of committing a crime, object of criminal encroachment.

Взаимосвязь и взаимозависимость, существующая между преступным деянием и деятельностью по его выявлению, раскрытию и расследованию, давно является истиной, которая не ставится под сомнение в криминалистике и на ней основано множество положений, которые используются для создания эффективных криминалистических методик, позволяющих установить истину. Более того, эта взаимосвязь уже где-то даже стала банальностью, которую прямо не называют, хотя и имеют в виду, поскольку без неё невозможна организация оптимальной системы деятельности следователя по установлению обстоятельств конкретного события. Не менее очевидной и бесспорной, хотя и менее упоминаемой, является взаимосвязь между составом преступления, закреплённом в соответствующей норме уголовного закона и деятельностью по расследованию соответствующего преступного деяния [1]. В наличии этой взаимосвязи усматривается взаимосвязь между деятельностью следователя по расследованию соответствующего преступного деяния и деятельностью по квалификации этого деяния. Эти два вида деятельности во многом зависят друг от друга. Так, вполне очевидным является то, что невозможно правильной квалификации деяния без установления всех его обстоятельств в ходе проводимого расследования. В то же время, необходимость правильной квалификации определяет те цели и задачи, которые необходимо решить в ходе проводимого расследования.

Логика расследования всегда предполагает то, что уже на момент поступления сообщения о совершённом преступлении следователь должен представлять, какое деяние ему предстоит расследовать. Это представление ещё нельзя назвать достоверным знанием. Это всего лишь вполне определённая рабочая следственная версия того, как могло совершаться соответствующее деяние исходя из имеющихся данных, по мнению следователя. Это представление соотносится следователем с нормами уголовного закона и из этого делаются выводы, которые определяют ход расследования, особенно первоначальные следственные и иные процессуальные действия [2]. То есть, состав преступления, закреплённый в норме уго-

ловного закона, задаёт целеполагание в ходе проводимого расследования. Исходя из него определяются задачи, решение которых, способно приблизить к установлению истины по соответствующему уголовному делу [3]. В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ указано на то, что основанием возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. То есть для того, чтобы возбудить уголовное дело необходимо установить общественную опасность, противоправность, уголовную наказуемость и виновность совершения соответствующего деяния (ст. 14 УК РФ). Но после того, как уголовное дело возбуждено и началось предварительное расследование следователь должен определить наличие признаков состава в преступлении в соответствующем деянии [4]. С этой целью он должен обратиться к составам преступлений, которые закреплены в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Это позволяет ему не только сориентироваться с тем, как в последующем правильно квалифицировать соответствующее деяние, но и определить то, на что ему следует ориентироваться в своей поисковой деятельности, составляющей суть проводимого предварительного расследования.

Расследование, если оно желает быть успешным, всегда должно учитывать особенности соответствующего преступления. Прежде всего оно должно учитывать те особенности, которые указаны в соответствующем составе, который закреплён в норме уголовного закона [5]. Поэтому криминалистическая методика всегда должна учитывать названные особенности. Они должны быть её основой [6]. С её учётом должны формулироваться соответствующие рекомендации, ориентированные на повышение эффективности проводимого расследования. Частью особенностей, которые необходимо учитывать в частной методике расследования являются признаки соответствующего состава преступлений. В них проявляются обстоятельства совершения преступления, учёт которых важен для успеха проводимого расследования. Установление этих обстоятельств имеет значение для правильной квалификации преступления, а потому тактические задачи

формулируются с их учётом. Таким образом, названные признаки состава преступления можно рассматривать, как нормативно закреплённые основы частных криминалистических методик. Они задают, как общую стратегию расследования, так и тактику проведения отдельных следственных действий. Этим объясняется значение, которое имеет для расследования уголовно-правовая классификация преступлений. Она позволяет быстро увидеть и принять к сведению те признаки преступления, ориентируясь на которые следует организовывать и проводить предварительное расследование. Она позволяет оптимизировать процесс расследования посредством решения первоочередных тактических задач. Тем самым несомненным является её криминалистическое значение, состоящее в возможности уже на начальном этапе расследования определять те обстоятельства, которые подлежат первоочередному установлению.

Однако, только уголовно-правовой классификации для расследования недостаточно. Хотя это весьма эффективное средство, но оно не ориентировано на решение задач расследования, как познания обстоятельств совершения преступления. Необходима классификация, которая ориентирована только на снятие проблем расследования. То есть, необходима криминалистическая классификация. Её особенностью является то, что классификационные группы выделяются не только по объекту, но учитывается также способ и механизм совершения соответствующих преступлений. Это важно, поскольку именно способ и механизм совершения преступления должны приниматься во внимание для выработки наиболее эффективного алгоритма расследования, позволяющего установить наиболее значимые обстоятельства. Способ и механизм совершения преступления позволяют определить то, какой способ и механизм расследования этого преступления будут наиболее эффективными. Такая классификация способна позволить следователю уже на начальном этапе расследования иметь общее представление не только об объекте соответствующего преступления, но и о способе и механизме его совершения. Тем самым, такая классификация способна быть более эффективным средством расследования, чем уголовно-правовая классификация.

Для успешной организации и расследования преступлений следователю необходимо знать особенности способа и

механизма совершения преступления. Это важно для того, чтобы понять картину случившегося и определить наличие или отсутствие преступления в содеянном, а также причастность конкретного лица к этому деянию. Причём, важным является понимание динамики того, что произошло. Исходя из понимания способа и механизма совершения преступления можно установить мотивы и цели совершения соответствующего деяния. А это позволяет определить лицо, которое причастно к совершённом преступлению. Так, сложный способ и механизм совершения преступления, как минимум, указывает на то, что к совершению этого преступления причастно лицо, обладающее соответствующим, достаточно высоким интеллектом. Также, способ и механизм совершения преступления могут указывать на профессию лица, совершившего преступление. Другие особенности личности лица, совершившего преступление, могут быть выявлены по той же логике, где в качестве исходной посылки являются способ и механизм совершения соответствующего преступления. Это указывает на то, что для расследования более важным является не объект преступления, а способ и механизм совершения этого преступления. Хотя и значение объекта полностью отрицать нельзя, поскольку он находится во вполне определённых взаимосвязях со способом и механизмом совершения преступления, а также может указывать на особенности личности лица, причастного к соответствующему преступлению [7]. В связи с этим, для практики расследования преступлений важной является криминалистическая классификация, в основе которой лежит способ и механизм совершения преступления.

Значение для расследования криминалистической классификации вовсе не отменяет значения уголовно-правовой [8]. Уголовно-правовая классификация также является имеющей значение для расследования конкретных преступлений, а также для создания эффективных частных методик расследования [9]. Это обусловлено тем, что установление факта совершения преступления и причастности к нему соответствующих лиц является деятельностью, которая предшествует другой деятельности – квалификации преступления, на основе результатов которой выносится справедливое процессуальное решение. То есть, эти виды деятельности составляют единую систему, которая именуется правосудием. При этом эти виды деятельности носят гносеологический характер, поскольку ориен-

тированы на всестороннее познание обстоятельств совершённого преступления и причастности к нему соответствующего лица. Эти виды деятельности помогают восстановить нарушенную совершённым преступлением справедливость. В выполнении этих видов деятельности имеется логика, состоящая в том, что вначале необходимо установление факта совершения определённых действий, а затем – определение характера этих действий, степени их общественной опасности. Данная логика указывает на цель, которая определяется установлением признаков состава преступления, которые названы в соответствующей норме Особенной части Уголовного кодекса РФ. Это и определяет то, что уголовно-правовая классификация, которая лежит в основе группирования норм, также представляет интерес для расследования и взаимосвязана с криминалистической классификацией преступлений. Тем более, что в ходе расследования всегда необходимо точно представлять объект преступного посягательства.

Названный подход важен для расследования отдельных видов преступлений. От правильности определения соответствующей классификационной группы во многом зависит успех предстоящего расследования. Всегда необходимо уже на начальном этапе знать объект преступного посягательства, его наиболее значимые особенности, а также способ и механизм совершения соответствующего преступления. Такое знание должно быть хотя бы в самых общих чертах. И это становится возможным в том случае, если определяется то, к какой классификационной группе относится соответствующее преступление. Таким образом, отнесение к соответствующей классификационной группе позволяет определить те, значимые обстоятельства, о которых на начальном этапе расследования ещё недостаточно знаний. Данное знание позволяет восполнять дефицит информации о совершённом деянии на начальном этапе расследования преступления. В связи с этим, как криминалистическая классификация, так и уголовно-правовая может рассматриваться в качестве средства расследования, которое позволяет посредством использования приёмов познания устанавливать наличие или отсутствие в соответствующем событии определённых обстоятельств.

Криминалистическая классификация позволяет не только определить классификационную группу соответствующего вида преступлений, но и оказать помощь

при решении вполне определённых тактических задач [10]. Особенно значима криминалистическая классификация на начальном этапе расследования, когда недостаточно информации об отдельных обстоятельствах совершённого преступления. Криминалистическая классификация позволяет решать проблемы расследования конкретных преступлений [11]. Благодаря ей следователь может получить типовые знания о том, как обычно совершается соответствующий вид преступлений, что временно восполняет отсутствие конкретного знания о некоторых обстоятельствах совершённого преступления. Именно это делает криминалистическую классификацию средством расследования конкретных преступлений. Используя её, следователь имеет возможность определять наиболее значимые тактические задачи и их решать. Наибольшее значение криминалистическая классификация имеет на начальном этапе расследования, когда имеется дефицит информации о совершённом преступлении. Она позволяет выдвинуть и приступить к проверке наиболее вероятных следственных версий.

Эта особенность криминалистической классификации особенно важна при расследовании преступлений против личности, совершённых с применением информационно-телекоммуникационных сетей. Применение этих сетей указывает на способ, которым совершаются названные преступления. Это важно не только для определения степени общественной опасности соответствующего деяния, но и для понимания механизма его совершения. Благодаря такому пониманию следователь имеет возможность определить зону локализации следов конкретного преступления и те действия, которые ему необходимо выполнить для выявления и фиксации этих следов. При этом, уже само по себе указание на способ совершения данных преступлений позволяет выдвигать наиболее вероятные следственные действия, которые необходимо проверять уже на начальном этапе расследования. Кроме того, информационно-телекоммуникационные сети – это не только указание на способ и механизм совершения преступления, но и на среду, в которой следует искать следы и иную информацию, которая может иметь уличающее значение. Особенности этой среды отображаются на природе следов соответствующего преступления, а потому предполагают особый алгоритм действий следователя, который состоит в следовании таким требованиям, как срочность и

качество в выявлении и закреплении этих следов.

Однако, следует также отметить и то, что для названной классификационной группы важным является не только способ и механизм совершения преступления, но и объект, на который это преступление посягает, то есть на совокупность отношений, связанных с личностью конкретного человека. К названным отношениям относятся: отношения, связанные с обеспечением безопасности жизни человека; отношения, связанные с обеспечением здоровья человека; отношения, связанные с обеспечением свободы, чести и достоинства личности; отношения, связанные с половой неприкосновенностью и половой свободой личности; отношения, обеспечивающие конституционные права и свободы человека и гражданина; отношения, связанные с семьёй; отношения, защищающие и обеспечивающие права несовершеннолетних. Все названные отношения имеют ценность, как для отдельного человека, так и для общества, государства. Посягательство на них представляет собой посягательство на ценности, которые положены в основу всей системы правоотношений общества и государства. Тем самым преступные посягательства направлены не только против конкретной личности, но и против всего общества и государства. В этих действиях усматривается пренебрежение наиболее значимыми ценностями.

Сочетание знаний о способе совершения преступления и объекта, на которое оно посягает, позволяет правильно оценить следственную ситуацию, складывающуюся на момент начала расследования. Следователь имеет возможность определить те тактические задачи, которые необходимо разрешить безотлагательно. Среди этих тактических задач необходимо выделить задачи по прекращению преступного посягательства против личности, а также по предотвращению новых преступных посягательств. Криминалистическая классификация, как тактическое средство, используемое в ходе расследования, отвечает требованиям срочности и достоверности получаемой информации. Срочность обеспечивается благодаря тому, что криминалистическая классификация предоставляет данные, полученные в результате обобщения практики, в систематизированном виде. Достоверность гарантируется тем, что предоставляемые криминалистической классификацией данные получены из практического опыта по расследованию соответствующих преступлений, а потому

их качество не вызывает сомнения. Благодаря знанию особенностей объекта преступного посягательства имеется возможность определить те особенности следов и уличающей информации, которые могут указать на личность виновного лица и ту систему обстоятельств, которые необходимо знать для правильной оценки соответствующего деяния.

Особо следует отметить особенности информационно-телекоммуникационных сетей. Они представляют собой, как это видно из соответствующих норм уголовного законодательства средство совершения целого ряда преступлений, которое увеличивает степень общественной опасности. Однако, природа информационно-телекоммуникационных сетей гораздо сложнее и её нельзя сводить только к средству совершения определённого деяния, в том числе, преступного. Информационно-телекоммуникационные сети, как это было сказано выше, также представляют собой способ совершения конкретного преступления, который существенно повышает общественную опасность соответствующего деяния. Также информационно-телекоммуникационная сеть – это указание на вполне определённый механизм совершения преступного деяния, который необходимо принимать во внимание для того, чтобы иметь представление о совершённом преступлении. Но и это не исчерпывает всего многообразия контента, который заключён в понятии «информационно-телекоммуникационная сеть». Под информационно-телекоммуникационной сетью понимается также вполне определённая среда, в которой совершаются самые различные виды деятельности, которая предполагает, в частности, возможность установления самых различных отношений между людьми. Совершение преступления в этой среде привносит качественные особенности, которые следует принимать во внимание, как при квалификации целого ряда деяний, так и при установлении соответствующих обстоятельств, знание которых позволяет восстановить полную картину имевшего место события. При этом следует принимать во внимание то, что информационно-телекоммуникационные сети не ограничиваются лишь сетью «Интернет». В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информационно-коммуникационными сетями следует понимать технологические системы, предназначенные для передачи по линии

ям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. То есть, как видно, понятие информационно-телекоммуникационные сети гораздо шире понятия сети «интернет». Названные сети формируют виртуальное пространство, для которого характерны свои особенности, связанные с особенностями характерных для этого пространства объектов. Это способствует тому, что оставляемые в этом пространстве следы отличаются своей спецификой, которую необходимо принимать во внимание при проведении расследования соответствующих преступлений. Данная особенность отображается на деятельности по раскрытию и расследованию преступлений – преступлений против личности.

Благодаря криминалистической классификации можно определить классификационную группу преступлений против личности, совершённых с применением информационно-телекоммуникационных сетей. Это преступления, предусмотренные п. «д», ч. 2 ст. 110, п. «д», ч. 3 ст. 110.1,

ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, п. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. Все названные преступления объединены объектом, на который направлено преступное посягательство, и способом их совершения – использование информационно-телекоммуникационных сетей. Знание объединяющих особенностей этих преступлений позволяет определить алгоритм следственных и иных процессуальных действий, выполнение которых способно обеспечить установление всех значимых обстоятельств. В этом состоит методологическое значение криминалистической классификации, позволяющей выделить в качестве классификационной группы – преступные посягательства на личность, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Выделение данной классификационной группы позволяет следователю уже на начальном этапе расследования знать алгоритм действий, который способен гарантировать успех в установлении истины.

Литература

1. Подольный Н.А. Особенности и значение узкоспециализированной криминалистической методики расследования преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Том Часть 1. – Казань. Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью «ЮрЭксПрактик», 2022. – С. 41–48.
2. Подольный Н.А. Узкоспециализированные криминалистические методики расследования преступлений // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России. Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.Ф. Лубина. – Нижний Новгород. Изд-во: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. – С. 54–58.
3. Кулешов Ю.Н. Состав как методологическая основа расследования экономических преступлений в сфере строительства // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 125–132.
4. Подольный Н.А. Быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 138–151.
5. Кулешов Ю.Н. Состав как методологическая основа расследования экономических преступлений в сфере строительства // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития. Материалы Международной научно-практической конференции. – Москва. Изд-во: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). 2020. – С. 372–376.
6. Качур А.Н. Влияние уголовно-правовых классификаций преступлений на уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 78–80.
7. Подольный Н.А. Следственная тайна как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 2. С. 50–57.
8. Яблоков Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 5. С. 40–51.
9. Подольный Н.А. Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации расследования // Библиотека криминалиста. 2014. № 2 (13). С. 201–214.
10. Кулешов Ю.Н. Криминалистическая классификация как особого рода тактико-криминалистическое средство расследования экономических преступлений

в сфере строительства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (5). С. 32–37.

11. Латыпова М.Г. Вопросы о сущности и значении криминалистической классификации и криминалистической характеристики преступлений // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91). С. 258–261.

References

1. Podol'nyj N.A. Osobennosti i znachenie uzkospecializirovannoj kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij // Kazanskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h chastyah. Tom CHast' 1. – Kazan'. Izd-vo: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "YUrEksPraktik", 2022. – S. 41–48.
2. Podol'nyj N.A. Uzkospecializirovannye kriminalisticheskie metodiki rassledovaniya prestuplenij // Kriminalisticheskie i ugovolno-processual'nye sredstva obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. Sbornik statej po itogam vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 75-letnemu yubileyu doktora juridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo yurista Rossijskoy Federacii A.F. Lubina. – Nizhnij Novgorod. Izd-vo: Nizhegorodskaya akademiya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoy Federacii. 2022. – S. 54–58.
3. Kuleshov YU.N. Sostav kak metodologicheskaya osnova rassledovaniya ekonomicheskikh prestuplenij v sfere stroitel'stva // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. T. 8. № 1 (29). S. 125–132.
4. Podol'nyj N.A. Byt' ili ne byt' stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela v ugovolnom processe Rossii? // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2014. № 1 (12). S. 138–151.
5. Kuleshov YU.N. Sostav kak metodologicheskaya osnova rassledovaniya ekonomicheskikh prestuplenij v sfere stroitel'stva // Pravo i gosudarstvo budushchego: evolyucionnye strategii razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Moskva. Izd-vo: Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii). 2020. – S. 372–376.
6. Kachur A.N. Vliyaniye ugovolno-pravovykh klassifikacij prestuplenij na ugovolno-processual'noe i ugovolno-ispolnitel'noe pravo // YUridicheskaya nauka. 2014. № 2. S. 78–80.
7. Podol'nyj N.A. Sledstvennaya tajna kak taktiko-kriminalisticheskoe sredstvo rassledovaniya prestuplenij // Vestnik Rossijskoy pravovoy akademii. 2022. № 2. S. 50–57.
8. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij v metodike rassledovaniya i ee vidy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2015. № 5. S. 40–51.
9. Podol'nyj N.A. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij kak sredstvo optimizacii rassledovaniya // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2014. № 2 (13). S. 201–214.
10. Kuleshov YU.N. Kriminalisticheskaya klassifikaciya kak osobogo roda taktiko-kriminalisticheskoe sredstvo rassledovaniya ekonomicheskikh prestuplenij v sfere stroitel'stva // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2018. № 1 (5). S. 32–37.
11. Latypova M.G. Voprosy o sushchnosti i znachenii kriminalisticheskoy klassifikacii i kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 12 (91). S. 258–261.

ВОСТРИКОВ Глеб Алексеевич, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». 430003, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6. E-mail: gleb.v97@mail.ru

VOSTRIKOV Gleb Alexeyevich, Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Middle Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 430003, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, st. Fedoseenko, d. 6. E-mail: gleb.v97@mail.ru

75

Уголовно-правовые
науки

ПРОБЛЕМЫ И МНЕНИЯ

(5.1.2)

DOI: 10.14529/pro-prava230115
УДК 342.9

ПП № 1(89)-2023. с. 76—79

Иванов А.Ю.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА И (ИЛИ) ДОСМОТРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Ivanov A. Yu.

ON THE ISSUE OF THE PROCEDURE FOR THE INSPECTION AND (OR) INSPECTION OF THE VEHICLE BY POLICE OFFICERS

В статье раскрываются особенности производства досмотра транспортного средства сотрудниками полиции, обращается внимание, что законодатель идет в основном по пути «размножения» нормативных оснований производства досмотровых мероприятий, включая досмотр транспортных средств. Обосновывается необходимость систематизации полномочий полиции по осуществлению досмотровых мероприятий в Федеральном законе «О полиции», как и необходимость исключения требования обеспечения «конструктивной целостности» досматриваемого транспортного средства.

Ключевые слова: досмотр, осмотр, досмотр транспортного средства, конструктивная целостность транспортного средства.

The article reveals the specifics of the vehicle inspection by police officers, draws attention to the fact that the legislator is mainly following the path of “re-production” of the regulatory bases for the production of inspection measures, including vehicle inspection. The necessity of systematization of the powers of the police to carry out inspection measures in the Federal Law “On Police” is justified, as is the need to exclude the requirement to ensure the “constructive integrity” of the inspected vehicle.

Keywords: inspection, inspection, vehicle inspection, structural integrity of the vehicle.

76

Проблемы
и мнения

Урегулированные административно-правовыми нормами осмотр транспортного средства (далее – осмотр ТС) и принудительное обследование транспортного средства (далее – ТС) является неотъемлемой частью полицейской деятельности. Благодаря существованию правовой возможности применения этих мер сотрудники полиции с высокой степенью эффективности предупреждают и пресекают правонарушения, осуществляют доказывание по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, обеспечивают соблюдение специальных правовых режимов и т.д. Вместе с тем приходится признать, что законодатель

идет в основном по пути «размножения» нормативных оснований производства досмотровых мероприятий, включая досмотр транспортных средств (далее – ДТС). Порядок досмотра, осмотра ТС законодателем не совершенствуется несмотря на очевидные неточности, о чем свидетельствует ряд публикаций отдельных авторов, а также правоприменительная практика сотрудников полиции, которые затрудняются в выборе правового средства при осуществлении последних служебных обязанностей [1, 2].

Нормативные основания, дающие право сотрудникам полиции производить досмотр или осмотр ТС указываются в

различных нормативных правовых актах, [3] так в Федеральном законе «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») предусматривается 9 оснований производства указанных мероприятий (см. п. 3.1, 16, 20, 25 ч. 1 ст. 13, ч. 6 ст. 14, ч. 4 ст. 15, п. 6 ч. 1 ст. 15.1, ч. 4 ст. 16 ФЗ «О полиции»). Основания производства осмотра ТС, предусмотренные п. 3.1 ч. 1 ст. 13 и п. 6 ч. 1 ст. 15.1 ФЗ «О полиции» введены с 21 декабря 2022 года.

Основания производства осмотра или ДТС также можно обнаружить и в иных законах, однако отдельные элементы порядка производства досмотра транспортного средства можно обнаружить только ст. 27.7 КоАП РФ, порядок производства осмотра ТС не предусмотрен законами, в связи с чем данный пробел компенсируется приказами МВД России. Таким образом действующим законодательством не предусмотрена норма, систематизирующая основания и порядок производства осмотра и досмотра сотрудниками полиции по аналогии с ст. 14 ФЗ «О полиции». Учитывая сложившуюся ситуацию Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу о возможности производства ДТС как меры государственного принуждения по одному из оснований, указанных в Федеральном законе «О полиции» но в порядке, предусмотренном ст. 27.9 КоАП РФ (см. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 1850-О). Следует отметить, что данный механизм применения меры принуждения прямо указан в п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции».

Для целей применения ДТС важно уяснить значение отдельных терминов, применяемых законодателем в ст. 27.9 КоАП РФ, Федеральном законе «О полиции». ДТС можно определить, как обследование транспортного средства, проводимое без нарушения его конструктивной целостности, осуществляемое в целях: обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения (ст. 27.9 КоАП РФ); обнаружения оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотические средств, предметов хищения, при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения (п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»); обеспечения безопасности и антитеррористическую защищенности (п. 25 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») и др. Таким образом формулирование целей ДТС зависит от нормативного основания, используемого сотрудниками полиции.

Законодатель определяет «досмотр»

как «обследование», последнее может означать «производство наблюдений, проверка чего-либо» в данном случае имеем ввиду «транспортное средство». В законодательстве, регламентирующем полномочия полиции, не определяется какие именно ТС могут подвергаться досмотру. Очевидно, что данное условие требует уточнения, так в ПДД транспортное средство определяется как «универсальное» устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем», к таким устройствам может относиться и средства индивидуальной мобильности. Для целей применения главы 12 КоАП РФ под ТС понимается механические ТС на управление которыми требуются специальное право.

В понятии ДТС, указанного законодателем в ч. 1 ст. 27.9 КоАП РФ, имеются формулировки общего характера, содержание которых не раскрывается в КоАП РФ. Например, одним из обязательных условий осуществления ДТС является сохранение конструктивной целостности досматриваемого ТС [4]. Положения ст. 27.9 КоАП РФ не содержат запрета на демонтаж и разборку узлов и агрегатов, не накладывают на сотрудников полиции обязанностей по обеспечению исправности автомобиля при проведении процедуры досмотра. При этом в ст. 27.1 КоАП РФ указывается, что «вред, причиненный незаконным применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством», не допускаются решения и действия (бездействие) сотрудника полиции, осуществляющего ДТС, унижающие человеческое достоинство (см. ст. 1.6 КоАП РФ).

Из содержания ст. 215.2 УК РФ, можно сделать вывод, что нарушение конструктивной целостности – это разрушение, повреждение и иные действия, нарушающие физическую целостность досматриваемого объекта. Согласно ст. 15 ГК РФ, к нарушению конструктивной целостности транспортного средства может быть отнесено его повреждение, путем нарушения «товарного вида».

Учитывая изложенное, в целях осуществления ДТС, нарушение конструктивной целостности – это механическое повреждение досматриваемого ТС (разделение ТС на части), рассоединение на конструктивные элементы по сварным, клепаным, резьбовым и другим видам соединений, иные действия, нарушающие функционирование досматриваемого

объекта (разрывы, деформации, проломы, расколы и т.п.).

Анализ действующего законодательства, регламентирующего деятельность полиции по осуществлению ДТС, позволяет выделить следующие особенности:

Во-первых, права сотрудников полиции на осуществление ДТС закреплены не только в ст. 27.9 КоАП РФ, в ФЗ «О полиции», но и в других законах Российской Федерации. В зависимости от условий, в которых действует сотрудник полиции, право на осуществление ДТС может быть реализовано в соответствии с Федеральными законами «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых», «О чрезвычайном положении», «О военном положении», «О противодействии терроризму» и др.

При этом следует отметить, что порядок производства ДТС, определен только в ст. 27.9 КоАП РФ (запреты, ограничения, документирование, уполномоченные субъекты).

ДТС по основаниям, предусмотренным ст. 27.9 КоАП РФ осуществляется сотрудниками полиции, уполномоченными составлять протоколы по делам об административных правонарушениях, в соответствии с п. 1 ч. 2 статьи 28.3 КоАП РФ (см. дополнительно п. 2 ст. 27.9 КоАП РФ). Важно отметить, что производить ДТС уполномочены любые сотрудники полиции, но по иным основаниям, например, согласно п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», в целях выполнения обязанностей, указанных в ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции».

Во-вторых, присутствие двух понятий является необязательным условием осуществления ДТС в случае применения видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий (см. ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ), а также если есть основания полагать, что при водителе ТС находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия (ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ). Следует отметить, что указанное правило, как уже выше отмечалось, применяется и в случаях осуществления ДТС по основаниям, предусмотренным в иных законах (например, п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»). Недопустимо привлечение в качестве понятых лиц не достигших совершеннолетнего возраста. В случае необходимости понятой, как и сотрудник полиции, могут быть опрошены в качестве свидетелей в соответствии со статьей 25.6 КоАП РФ.

В-третьих, в соответствии с п. 3 ст. 27.9 КоАП РФ, ДТС осуществляется в присутствии лица, во владении которого оно находится, а в случаях, не терпящих отла-

гательства, досмотр может быть осуществлен в отсутствие указанного лица. При этом законодатель прямо не указывает случаи, при наличии которых сотрудник полиции может осуществить ДТС в отсутствие лица, во владении которого находится транспортное средство.

В-четвертых, сущность ДТС состоит в принудительном обследовании ТС. О ДТС составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании (см. п. 5 ст. 27.9 КоАП РФ).

Для выполнения положений п. 6 ст. 27.9 КоАП РФ, ДТС может сопровождаться требованием открытия кабины, багажного отделения, вскрытия упаковочной тары транспортируемого груза (ящиков, коробок, упаковочного материала и т.п.). В необходимых случаях производство ДТС может обеспечиваться применением физической силы. Воспрепятствование деятельности полиции при ДТС, может быть квалифицировано, как административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

В-пятых, соотношение полномочий полиции производить ДТС и осмотр ТС показывает, что традиционный подход понимания того, что «осмотр транспортного средства» как и «осмотр физического лица» (см., например, ч. 16 ст. 14 ФЗ «О полиции») не является мерой государственного принуждения в отличие от ДТС, является ошибочным. Данный вывод можно сделать окончательно после внесения соответствующих изменений в декабре 2021 года в ФЗ «О полиции» (например, см. п. 3.1 ч. 1 ст. 13, ст. 15.1 ФЗ «О полиции»).

Примечательно, что законодатель не отождествляет указанные меры и в ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», перечисляет в числе прав полиции через «заплатую». Таким образом в настоящее время сотрудники полиции уполномочены производить принудительно не только ДТС, но и осмотр ТС, предметов, документов и т.п., например, в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке сообщений о происшествиях (см. п. 3.1 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»). Введение законодателем ст. 15.1 ФЗ «О полиции» дополнительно свидетельствует о необходимости законодательной систематизации досмотровых мероприятий. Так в п. 6 ч. 1 ст. 15.1 ФЗ «О полиции» указывается, что ТС может быть подвергнуто вскрытию для производства «осмотра», если имеются основания полагать, что в ТС находятся без специального разрешения предметы, изъятые из гражданского оборота. При этом о сохра-

нении конструктивной целостности ТС не упоминается. Аналогичные основания указаны и для целей производства ДТС, например, в п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», ст. 27.9 КоАП РФ. Учитывая изложенное выше, осмотр ТС уже не является более гибкой формой выявления признаков правонарушения и преступления в отличие от ДТС, порядок которого предусмотрен в ст. 27.9 КоАП РФ, кроме того,

можно отметить, что законодатель подменяет «досмотр» как меру государственного принуждения, «осмотром». В связи с чем очевидно обостряется необходимость систематизации полномочий полиции по осуществлению досмотровых мероприятий в ФЗ «О полиции», как и необходимость исключения требования обеспечения «конструктивной целостности» досматриваемого ТС.

Литература

1. Сидоров Я.С. Досмотр как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции по делам об административных правонарушениях, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 37 – 40.
2. Иккерт А.В. Досмотр транспортного средства как обеспечительная мера производства по делам об административных правонарушениях. 2021. №1 (52). С. 353–360.
3. Джалаев Б.К. Актуальные проблемы досмотра транспортного средства полицией и пути их разрешения // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 3. С. 252–260.
4. Гутиева И.Г. Особенности досмотра транспортного средства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 312–313.

References

1. Sidorov YA.S. Dosmotr kak mera obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh, primenyayemaya sotrudnikami politsii po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh, svyazannym s nezakonnym oborotom narkotikov // Administrativnoye pravo i protsess. 2022. № 8. S. 37 – 40.
2. Ikkert A.V. Dosmotr transportnogo sredstva kak obespechitel'naya mera proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh. 2021. №1 (52). S. 353–360.
3. Dzhalayev B.K. Aktual'nyye problemy dosmotra transportnogo sredstva politsiyey i puti ikh razresheniya // Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva. 2021. №3. S. 252–260.
4. Gutiyeva I.G. Osobennosti dosmotra transportnogo sredstva // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2020. № 5 (144). S. 312–313.

ИВАНОВ Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Сибирский юридический институт МВД России. 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

IVANOV Andrey Yurievich, candidate of philosophy, associate Professor, head of the Department of administrative law and administrative activity of internal Affairs bodies, Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

Материалы к публикации отправлять по адресу: E-mail: urvest@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
**Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76,
Издательский центр.**

Издатель ООО «Южно-Уральский юридический вестник».
Адрес издателя и редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
Подписано в печать 27.03.2023. Дата выхода в свет 31.03.2023.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 4,65. Тираж 50 экз.
Заказ 21/75.
Цена свободная.
Отпечатано в типографии «Пронто»
454080, Челябинск. ул. Энгельса 47А.